

Сергей Соловьев

ЦВЕТЫ И ЛАДАН

(1907)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я предвижу упреки, которые вызовет первая книга моих стихов. Я постараюсь заранее ответить на них. Во-первых, мне скажут, что в моих стихах форма часто преобладает над содержанием, техническая сторона искусства – над мыслью. Прежде всего, я укажу на неопределенность термина «форма». Содержание понятия форма, в применении к вопросам эстетики, может иметь произвольную широту. Иные разумеют под «формой» только рифму и метр; иные прибавят сюда эпитет, наконец, вообще образ, способ изображения, подойдет под понятие «форма». Тогда понятие «форма» покроет все признаки, которыми характеризуется художественное произведение, и сам собою падет вопрос об отношении формы к содержанию.

Я утверждаю, что самый вопрос о преобладании содержания над формой или формы над содержанием не может быть поставлен, ибо ставящий его разлагает неразложимое, предполагает раздельность там, где конкретно существует только единство. Ибо основной закон художественного творчества в единстве мысли, образа, краски, звука. Только то стихотворение имеет право именоваться художественным произведением, в котором нет ничего внешнего, в котором малейший уклон голоса, малейший красочный переход обусловлены внутренней, духовной необходимостью. Стихотворец, облекающий мысль в техническую форму, как в нечто постороннее самой мысли, никогда не создаст художественного произведения. В истинном процессе творчества мы имеем только неделимость творческого акта; мысль рождается одновременно с образом и напевом; она даже не сознается отдельно от оных, что побуждает некоторых эстетиков парадоксально утверждать, что в поэзии нет ничего, кроме формы, сочетания красок и звуков. На самом деле подобное утверждение столь же неосновательно, как и ему противоположное, оценивающее достоинство произведения сообразно с ценностью заключенной в нем мысли. Наконец, не следует забывать философское значение «форма», означающего цель космического процесса, движущее начало, образующее материю, созидующее из стихийных сил природы образ вечной красоты. Только то, что формально, стоит вне законов природной жизни, не подвержено изменению и смерти. Таков нетленный мир математических фигур и формул, таковы создания искусства. Но математика – только формальна; она стоит вне природной жизни. Напротив, искусство исходит из чувственного материала впечатлений; оно ведает материальный мир; начало его – познание *a posteriori*, опытное. Но из чувственного материала впечатлений художник созидает нематериальную действительность; призрачную реальность материи он преобразует в подлинную реальность красоты. Красота начинается там, где кончается природа; но она и мыслима только при наличности Природы, исходя от нее и ведая только

ее. Отсюда трагизм всякого художника, жреца красоты: как и сама красота, он всегда в мире – и всегда не от мира, всегда в материи – и всегда чужд материи.

Затем, я часто слышал и, вероятно, еще не раз услышу обвинение в несовременности моей поэзии, в ее отчужденности от злободневных интересов. Такое обвинение весьма для меня лестно. Да, моя поэзия чужда духу нашего времени, взятому в целом. Ибо дух нашего времени я понимаю так. С падением религиозных норм человечество начало руководствоваться в своем поведении природными началами. Но что такое природа? Природа есть нечто постоянно становящееся, постоянно находящееся в процессе изменения; каждое мгновение она вновь и вновь определяет себя к добру или злу, к Богу или дьяволу. Таким образом, невозможно быть в природе; вступая в область природы, всякий неизбежно должен определить себя к добру или злу, к Богу или дьяволу, то есть к началу, трансцендентному природе, вне ее пребывающему. В самой природе заключены противоположные потенции; в ней переплетены мировые Да и Нет; жизнь и смерть; любовь и похоть. Освободившееся от религии человечество пошло по пути вторых потенций природы; из них возникло здание современной цивилизации, образом которой является город. Город – это реальное Нет, безобразное дитя природы, созданное духом похоти и смерти. Этот город человечество выбрало взамен града, обещанного религиями. Искусство также исходит из природы; но оно отправляется от первых ее потенций, творит вечное Да, исходя из духа любви. Этот мир, созданный из положительных потенций природы, и есть Новый Иерусалим, мистический град, в противоположность современному городу.

В-третьих, мне могут указать на несоответствие между частями моей книги, на противоречие между языческими и христианскими настроениями. Я думаю, что, вообще, деление на «язычество» и «христианство» есть только недоразумение, достаточно обличаемое историей. Вместо деления на «язычество» и «христианство» я бы предложил деление на мирозерцание религиозно-эстетическое и научно-философское. Эти два мирозерцания сменяются в истории и постоянно враждуют. Хорошим примером может служить Греция, где научно-философская мысль определенно выступила против религиозно-эстетического миропонимания народных масс. Гомер и Эсхил столкнулись с Сократом и Платоном. В так называемом «христианстве» постоянно смешиваются элементы религиозно-мифические с умозрительными. Христианский мир несколько не менее, чем дохристианский, питал художественное творчество. Беато Анжелико, Беноццо Гоццолли, Перуджино часто ближе нам, чем Фидий и Пракситель. Ароматы Марии Магдалины заставляют нас забыть урну Антигоны. Но, с другой стороны, христианство в истории является как сила враждебная всему чисто религиозному, всякому мифу, всякому культу. Эта идеалистическая тенденция нашла окончательное свое выражение в протестантстве, где распятый Адонис обратился в учителя синагоги и мистерия литургии заменилась балаганом проповедей и набожного пения.

История ясно показывает нам незыблемость религиозно-эстетического начала. Это начало роднит между собой века и народные массы. Всякое создание научно-философской мысли неизбежно будет преодолено будущим; только миф – несокрушим, только искусство – нетленно. При современном состоянии философской мысли едва ли возможно, без компромисса и самообмана, принять метафизику апостола Павла. Но как прежде цветут масличные ветви, которыми дети еврейские устилали путь Иисусу Христу; и на нашем бедном севере ежегодно встречают «грядущего во имя Господне», и не увянут вовек весенние вербы, которые мы подьемлем как ветви масличные.

Я придаю значение моей книге лишь постольку, поскольку она является ученическим опытом. Сведущий читатель легко уловит в моих стихах подражательные элементы. Главными образцами для меня были: Гораций, Ронсар, Пушкин, Кольцов, Баратынский, Брюсов и Вяч. Иванов. Этим поэтам обязан я тем относительным искусством стихосложения, которое отличает более поздние стихотворения от ранних.

Сергей Соловьев
1906 г. 1 октября, Покров
с. Дедово

МАСЛИНА ГАЛИЛЕИ

*Благоухай, Сионе!
Декемврий, кг день,
стихира на стиховне*

ИАКОВ

1

Покинул я родные нивы,
Бежал от отческих полей,
Где жил я – баловень счастливый
Ревекки, матери моей.

Темнеет вечер; голос стада
Звучит в померкнувших горах.
Струится тихая прохлада;
Вечерний ветер гонит прах.

Горит заря огнем багровым.
Слетает пыль с горячих губ...
Накрой меня зеленым кровом
Ты, широковетвистый дуб!

Изгнанник отческого дома,
Я на дороге изнемог.
Кругом не вижу водоема,
Где утолить бы жажду мог.

Вдали край неба стал туманен.
Смешались мысли, как в бреду.
В одежде рваной, весь изранен,
На камень голову кладу.

2

Я знал: меня ты не оставишь,
И на дороге, беглецу,
И мне свой вечный голос явишь,
Как Аврааму и отцу!

Я видел въяве подтвержденье
Отцам дарованных надежд,
И с неба ангелов схожденье,
И блеск серебряных одежд.

В былых утешенный печалях,
Я внял пророчеству о Ней,
И реял духом в светлых далях,
Над рядом белых ступеней.

Я утром вновь пошел в дорогу,
К иным краям, к иной стране,
И жертвенник поставил Богу,
В Вефиле явльшемуся мне.

СВЯТОЙ ПУТЬ

М. И. Сизову

Вот кувшин последний выпит,
Хлеб давно иссяк в кульке.
Дряхлый тайнами Египет
Смутно брезжит вдалеке.

Села – реже, горы – диче.
Ослик зыблет колыбель.
С грудью матери девичьей
Слил уста Иммануэль.

Смотрит девушка любовно
Сыну в сонное лицо.
Зверь под ней ступает ровно;
Таёт звездное кольцо.

Тихий мальчик, сон лелея,
Пьет святое молоко.
Край, вскормивший Моисея,
Твой рубеж – недалеко.

А за дальними горами
Брызги крови кормят пыль.
Над детьми стенает в Раме
Матерь древняя Рахиль.

И солдаты в селах рыщут,
Все пороги обагря.
Ненасытно, жадно ищут
Иудейского царя.

Села – реже, горы – диче
Ослик зыблет колыбель.
С грудью матери девичьей
Слил уста Иммануэль.

Солнце. Мрак лучами выпит.
Сын, проснись! потом – дремать.
Дряхлый тайнами Египет
Принял девственную мать.

МАРИЯ МАГДАЛИНА

Sur quels pieds tombez-vous,
parfums de Madeleine?
*A. Musset**

Чья это песня во мраке доносится,
Чьи это, чьи это слышны рыдания?
К гробу Христову несет Мироносица
Благоухания.

Там горизонта туманная линия.
Скоро засветит заря Магдалине.
Плавают сумерки, сумерки синие
В тихой долине.

К гробу приходит, никем не замечена.
Там, в глубине кипарисного сада,
В камне пещерном гробница иссечена.
Вот и ограда.

«Вижу зари задрожавшие пятна я,
Серые камни пещеры зардели.
Там погребенный лежит, ароматные
Ткани на теле.

Нашим рыданиям не внимлет,
Скрытый в могильные недра...
Пальмы чернеют, и дремлют
Стройные кедры.

Долами, мраком объатыми,
В страхе пошла я сегодня.
Шла умастить ароматами
Тело Господне».

Чья это жалоба носится,
Сумрак предугранный гонит?

К камню припав, Мироносица
Плачет и стонет.

*Миро Марии, чьи ступни будут
помазаны тобой? (франц.)
А. Мюссе

ПЕРЕД ИЕРУСАЛИМОМ

Уж город царственный воздвигся перед Ним.
Он шел, не преступив положенного срока;
В последний раз теперь Он шел в Иерусалим:
Он шел, да сбудется писание пророка.

Дрожали на песке отливы багреца;
Был запад облечен в торжественную ризу,
И отблеск заревой с высокого зубца
Спускался медленно по белому карнизу.

И Он опять прошел по дорогим местам,
Опять увидел стен высокие уступы,
Громады мрамора, дворцы и, здесь и там,
Детей пустыни, пальм разбросанные купы.

Опять привычный взор слепила пестрота
Семьею тесною столпившихся строений
И горделивых стен немая высота.
Он знал, что придут дни последних запустений,
И город рушится, как пепел, как мечта.

А ночь всё медлила, и тихо вечер гас,
Сгущая по стенам причудливые тени.
Он шел в Иерусалим. Он шел в последний раз,
Покорный голосу отеческих велений.

Вспомнил он, вспомнил тогда
Детства забытого лета:
Милые сердцу года,
Домик родной Назарета.

Звезды тихонько горят.
Синяя, звездная тишь...
Там убегающий ряд
Плоских, белеющих крыш.

Дети давно уже спят,
Мальчику только не спится.
Звезды ему говорят,

Что-то далекое снится.

Мать с кувшином поутру
Тихо идет от колодца.
Дети заводят игру,
Говор и смех раздается.

Плавно ступает она,
Легкою тканью одета.
В косы ее вплетена,
Яркая блещет монета.

К матери мальчик бежит,
На спину влез к ней украдкой,
Звонко смеется, шалит
Платья широкого складкой.

Где он ни кинет свой взор,
Всё ему – радость, игрушки.
Звякнул отцовский топор,
Валяются легкие стружки.

Вспомнил, как в детстве сюда
Шли они на богомолье
Всею семьей: вот когда
Детям простор и раздолье.

Старый Иосиф идет,
Важно опершись на посох.
Сына Мария несет,
Солнце играет на косах.

Спят, погруженные в лень,
Возле дороги оливы.
Вьются в древесную тень
Темных дорожек извивы.

Фиг зеленеют плоды,
Скрытые лиственной кущей.
Рощи, холмы и сады –
Радостный мир и цветущий.

Странники дальше идут
Той же дорогой привычной.
Вот – Самария, и тут
Мерзкий народ, злоязычный.

Яркие блекнут поля,
Скрылись веселые рощи.
То – Иудеи земля,
Всё здесь – беднее и проще.

Здесь виноградников нет,
Тянутся горы, белея.
Где ты, родной Назарет?
Где же ты, где, Галилея?

В зное небесном сгорев,
Мертвы поля Иудеи.
Ветви засохших дерев
Вьются как черные змеи.

Синие спят небеса
В дымке молочной тумана.
Блещет вдали полоса
Волн голубых Иордана.

Вот показались вдали
Башен зубчатые кольца.
В рваных одеждах, в пыли
К храму текут богомольцы.

Сколько увидишь здесь лиц,
Как любопытны картины:
Гости с сидонских границ,
С дальних концов Палестины!

Двигается шумно народ,
Пестрыми толпами скучен.
В круглую арку ворот
Ослик вступает, навьючен.

Важный, богатый купец
Едет на праздник всем домом.
Встретясь, болтает отец
С плотником, старым знакомым.

С матерью входит во храм,
В сумрак священных преддверий.
Деньги звенят по столам,
Воют и мечутся звери.

С робостью мальчик вошел.
Вид алтаря ему страшен:
Бык издыхает, и пол
Красною кровью окрашен.

Ноги беспомощно бьют,
В луже купаяся алой.
Голубь воркует; снуют,
Деньги считая, меняла.

Все онемели сердца.
Слово б им грозное кинуть!

«Это ль обитель отца!»
Крикнуть, столы опрокинуть!

Прошедшее с меня, грядущее встает:
Вот прокуратора огромная палата:
Одежду на себе Каиафа злобно рвет,
И поднимают бич прислужники Пилата.

На место лобное Он крест свой понесет
Дорогой той, где шел теперь в Иерусалим Он;
Бессильно свалится, и крест Его возьмет
На плечи крепкие могучий телом Симон.

Меркнут далекие гор очертания.
В город пора бы войти.
Гаснешь, темнеешь... прости
Ты, дорогая Вифания!

Ворота города уж были перед Ним,
На белом мраморе погасла позолота.
Он мерной поступью вошел в Иерусалим,
Неслышно миновав раскрытые ворота.

ВЕЧЕРЯ

Ex Illo pectore in secreto bibebat.
*Augustinus**

Окруженный толпой, на одре
Он в таинственной думе лежал.
Догорая, светильник дрожал...
Ночь была на дворе.

Говорить не решался никто,
И для битвы не чувствовал сил.
Я, прильнув к Его груди, спросил:
Кто предаст Тебя, Господи, кто?

И прильнув к Его груди, я креп.
Синий сумрак гляделся в окно.
Он мне подал вино
И разломленный хлеб.

Я с другими прошел на крыльцо,
Не теряя из виду Его.
Разобрать я не мог ничего;
Лишь луною пахнуло в лицо.

Вся дорога была в серебре.
Мы пошли по знакомым садам.
Смутный шепот ходил по рядам...
Ночь была на дворе.

*От сей груди он вкушал втайне (*лат.*).
Св. Августин

ОТРЕЧЕНИЕ

К костру подсел он, руки грея.
Лицо зажег багровый свет.
«И ты – сорпутник Назарея?
И ты – из галилеян?» – «Нет».

Ночь холодна, и месяц светел.
Первосвященнический двор
Вдруг огласил рассветный петел.
Прислуга спит. Сгорел костер.

«Где Иоанн и где Иаков?
Где все?» Он вышел. Даль пуста.
И вспомнил, горестно заплакав,
О предсказании Христа.

СЕСТРЕ

Н. И. С.

В рассветный час пошли мы двое,
Росу стряхая с сонных трав,
Неся из смиpны и алоя
Благоухающий состав.

Мы шли, не думая о чуде,
В холодном, розовом луче.
Ты миро в глиняном сосуде,
Склонясь, держала на плече.

И так нам страшно вспомнить было
Его позор, и смерть, и боль...
Как раны знойные омыла
Твоих волос ночная смоль.

Как из Его ладоней гвозди

Ты, тихо плача, извлекла,
Смотря на кровь, что, как из гроздей,
Густыми каплями текла.

Мария мать и ты – вы обе –
Его приняли от солдат
И положили в новом гробе,
Возлив на тело аромат.

Смотри: минула ночь субботы,
И новый день сменяет мрак.
Сестра, скажи мне, отчего ты
Нежданно ускоряешь шаг?

Уж близок сад. Вот лилий чаши
Сверкнули из рассветной мглы.
Сестра, зачем одежды наши
Так неестественно белы?

Как ветви здесь нависли густо.
Давай сосуд. Пришли. Пора.
Вот и пещера. Где Он? Пусто!
Кто взял Его? О, кто, сестра?

Кем вход в пещеру отгорожен?
Что совершилось в ночи?
Пустой покров белеет, сложен.
В пещере – белые лучи.

Где труп? где стража? где ограда?
Всё – только белые цветы.
Бегу навстречу! Нет... не надо:
Ты возлюбила – встретишь ты!

ВИДЕНИЕ СВЯТОГО БЕРНАРДА

На окне раздернуты шторы.
Тонкие кустики гнутся.
Белей и белей
В даль уходящие горы.
Полей
Зеленые полосы вьются.

Заходящего солнца лучами
Кельи свод позлащен.
Монах сидит. За плечами,
Откинут, лежит капюшон.

Догорающий луч скользнул,

Задрожав на оконной раме.
Он последний раз блеснул,
Осветив окрестность с горами.

Поднял глаза монах
От священной страницы.
Незабудки в Ее глазах
Сияли под тенью ресницы.

Легки одежды воскрылия...
Ты ль, долгожданная?
Смотрит: в руках Ее лилия
Благоуханная.

Матерь Божию встретил святой
Чуть заметным всплеском рук.
На Ее голове золотой
Трепетал и светился круг.

Над овалом лица легли
Золотые косы в порядке.
Голубыми струями текли,
Расплывались одежды складки.

Тихо став пред святым,
С лаской Она глядела.
Одежды – легки как дым –
Ее овеяли тело.

Ни слова тогда не сказал
Марии блаженный инок.
Ворвавшийся луч пронизал
Закружившийся столб пылинок.

Он остался, поверить виденью
Робкой душой не дерзающий,
А Она отплыла легкой тенью,
Ускользающей.

РОДНЫЕ СТРАНЫ

Видел ты эти блаженные доли?
Бледных фиалок луга,
Дымные сосны, янтарные смолы,
В горних пределах снега?

Нежные розы – закатные светы,
Серые камни, раздолья пещер,
Там, где ласкают святые аскеты

Руки им лижущих кротких пантер.

Всех лучезарные светы залили,
Всех их питает Господня роса.
Тонут в лазури торжественных лилий,
Девственных, стройных и белых, леса.

О, этих стран неподвижные блески!
Вечно взлетают к вам грезы земли.
Мучениц-дев исступленные всплески...
Светлый жених в озаренной дали.

Рыцарей латы, золотые поножи,
Копья, щиты мелодично звенят.
Там, на цветами украшенном ложе,
Львы возлежат возле белых ягнят.

Остров. Закат. Шелестящие ласки.
Юноши в девах лобзают сестер.
Волны кудрей, золотые повязки...
Ангел над ними крыла распростер.

Любят, сгорают. Восторги – взаимны.
Бледные руки, скользящие сны.
Гимны Христу, непостижные гимны!
Звезды. Моления. Шепот волны.

СВЯТАЯ ЦЕЦИЛИЯ

Возле органа
Святая Цецилия,
– Вся осиянна –
Божия лилия!

Струны зывают.
Белые руки
С клавишей зыбких срывают
Тихие звуки.

Звуки – нежны и сладки.
В сиянье воздушного диска,
Волосы – черны и гладки –
На лоб опущены низко.

К груди приколота,
Роза вздыхает.
Искра золота
На стене потухает.

Бледного света
Тени – неверней.
Благовест где-то...
Звон вечерний.

ПРЕСВЯТАЯ ДЕВА И БЕРНАРД

И. С. Жукину

Он за город ушел, где дороги
Был крутой поворот.
Взоры монаха – молитвенно строги.
Медленно солнце спадало с прозрачных высот,

И молиться он стал, на колени упал, и в фигуре
Были смиренность, молитва. А воздух – прозрачен и пуст.
Лишь над обрывом скалы в побледневшей лазури
Зыбкой листвой трепетал засыпающий куст.

Воздух пронзали деревьев серебристые прутья.
Горы волнами терялись, и вечер, вздыхая, сгорал.
Знал он, что встретит сегодня Ее на распутье...
Благовест дальний в прозрачной тиши умирал.

Шагом неспешным прошла, и задумчиво кротки
Были глаза голубые, и уст улыбался коралл.
Пав на колени, он замер, и старые четки
Всё еще бледной рукой своей перебирал.

Осененная цветом миндальным,
Стояла одна у холма.
Замер благовест в городе дальнем...
Ты ль – Мария, Мария сама?

Никого. Только золотом блещет
На закате пустая даль.
Веет ветер, и дерево плещет,
Беззвучно роня миндаль.

1906

СВЕТЕ ТИХИЙ!

В кротких лучей вечеряющем блеске,
Мнится, тебя я уж видел когда-то.
Где, я не помню. Быть может, на фреске,

Там, где блаженных рисует Беато.

Ласковый образ, являвшийся в детстве,
Кроткая весть о кончине безбурной
И о могиле – приюте от бедствий –
Там, где мой ангел склонится над урной.

Образ, пред коим молились монахи,
Где под секирою острой солдата
С тихой молитвой почила на плахе
Чистая дева, святая Агата.

Праведных взор говорит терпеливый:
Да, исполняем Господний глагол мы.
Келья ютится под синей оливой,
В небо уходят волнистые холмы.

Перед святыми дрожат василиски,
Злые ехидны ползут за утесы.
Дев непорочных отчетливы диски,
Вьются под золотом темные косы.

Страсти земной непричастные лица.
Свет золотистый сияние сыпет.
В мраке провозит святая ослица
Божию Матерь с младенцем в Египет.

Круглые пальмы синеют по скалам;
Реют пернатые, пестрые птицы.
Дева, хитоном одетая алым,
Смотрит на небо, поднявши ресницы.

Рыцарь – монах, что закован в железо;
Узкий ручей, меж холмами текущий.
Иноков ясных святая трапеза,
Праздник любви под зеленою кущей.

В кротких лучей вечеряющем блеске,
Мнится, тебя я уж видел когда-то.
Где, я не помню. Быть может, на фреске,
Там, где блаженных рисует Беато.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Три дня подряд господствовала вьюга,
И всё утихло в предвечерний час.
Теплом повеяло приветно с юга,

И голубой и ласковый атлас

Мне улыбнулся там, за леса краем,
Как взор лазурный серафимских глаз.

И я стою перед разверстым раем,
Где скорби все навек разрешены.
Стою один, оваян и лобзаем

Незримыми крылами тишины.
Леса синеют, уходя в безбрежность,
Сияют мне с вечерней вышины

И кроткий мир и женственная нежность.
Моя душа – младенчески чиста,
Забыв страстей безумную мятежность

И для молитв очистивши уста.
Недвижны ели, в небо поднимая
Ряды вершин – подобия креста;

И, небесам таинственно внимая,
Перед зари зажженным алтарем,
Лежит земля, безлюдная, немая.

Окрашена вечерним янтарем
Эмаль небес за белыми стволами.
Над тишиной передвечерних дрем

Закатный храм поет колоколами,
И гаснет там, за синею чертой,
Последний раз сверкнувши куполами.

Окончен день, морозно-золотой.
Вечерний час! вечернее моление!
Вечерний час, заветный и святой!

Пора. Огни затеплило селенье;
Ложится тень на белые снега,
И легкий дым клубится в отдаленье,

Приветный дым родного очага.
Как чувства все таинственно окрепли!
Господь! Господь! к Тебе зовет слуга:

Огонь любви в моей душе затепли!

ХРАМ

Прими меня, родной, убогий храм,
Где я искал и находил спасенье.

Куда ребенком бегал по утрам

К заутрене, в святое воскресенье.
Все в доме спят. Я тихо выйду вон,
Взволнован весь, и полон опасенья,

Не опоздать бы. На призывный звон
Спешу чрез лес, весенний и зеленый.
Крестясь, всхожу на сумрачный амвон,

Едва лучом янтарным окропленный.
Глядят в окно и шепчут меж собой,
Прильнув к стеклу, березы, липы, клены.

Иконостас с золоченой резьбой
Давно потуск. Как небеса синяя,
Венчает своды купол голубой.

Мерцают свечи, кротко пламенея
Колелеблующимся желтым язычком.
Истлевшая, тяжелая Минея

На клиросе лежит перед дьячком,
И староста обходит по приделам,
Звеня о блюдо медным пяточком.

Растаял ладан. В дыме поределом
Блится медь закрытых царских врат;
Алтарь сияет радостным пределом,

Где нет скорбей: сомнений и утрат.
Мой старый храм! Как сердцу вожделенен
В твой темный рай замедленный возврат!

Всё то, чем мир для сердца многоценен
Я приношу к ступеням алтаря,
И мой восторг, как золото, нетленен

Моей весны ненастная заря!
Как быстро ты достигла половины,
Огнями зол, бушуя и горя.

Как с высей гор бегущие лавины,
Так громы бед гремели надо мной.
Но детство вдруг, с улыбкою невинной,

Как весть, как зов отчизны неземной,
Ко мне сошло из чистых поднебесий,
Чтоб уголить кровавой язвы зной.

В душе поет, поет «Христос воскрес»,
И предо мною, как забытый сон,

Алтарь, врата в задернутой завесе,
– Сквозь золото краснеющий виссон.

РАБА ХРИСТОВА

Хоть я с тобой беседовал немного,
Но мне твои запомнились черты,
Смиренная служительница Бога!

Ясна душой, весь мир любила ты:
Твои глаза так ласково смотрели
На небеса, деревья, на цветы,

В родных лугах расцветшие в апреле.
Когда, прозябший, зеленел листок,
Когда лучи что день теплее грели,

И под окном разлившийся поток
Бежал, шумел, блистая в мутной пене,
Синела даль, и искрился восток, –

Бывало, ты на ветхие ступени
Присядешь, рада солнышку весны,
На жребий свой без жалобы, без пени;

А небеса – прозрачны и ясны,
И облаков блуждающие лодки
По ним бегут, как золотые сны.

Я помню лик твой, старческий и кроткий,
И белизну смиренного чепца.
Ты мать была для всякого сиротки:

И из гнезда упавшего птенца,
И бедную ободранную кошку,
У твоего бродящую крыльца,

Равно жалела. К твоему окошку
Все бедняки окрестных деревень
Протаптывали верную дорожку.

В раю теперь твоя святая тень.
Как твердо ты твоей служила вере,
Полна любви Христовой. В летний день,

Бывало, стукну я у низкой двери,
И в бедный дом войду. Как ангел ты;
Вокруг ютятся страждущие звери,

Горят лампадки, и цветут цветы,
И ты – живой символ долготерпенья –
Струишь на всех сиянье доброты.

Среди страстей окружного кипенья
Ты пребыла младенчески чиста.
Вся жизнь твоя – молитвенное пенье;

Ты – фимиам перед лицом Христа.
Твоя весна текла под сводом храма,
В горниле бед, молитвы и поста;

И горькой жизни тягостная драма
Спокойною зарей завершена.
Ты умерла, как облак фимиама;

Над гробом – мир, покой и тишина.
И каждый год трава могилы малой
Родной любви слезой орошена.

Над насыпью, вовеки не увялый,
Цветет веночек из полевых цветов.
Фиалка синяя и розан алый

Сквозь изумруд березовых листов
Благоухают вечерами мая.
И дремлет ряд разрушенных крестов,

Словам небес задумчиво внимая.

ЗОЛОТАЯ СМЕРТЬ

В багрец и в золото одетые леса.
Пушкин

ГИМН ОСЕНИ

Вот в лесу золотошумном
Глохнут мертвые тропы.
Гулко бьют по твердым гумнам
Однозвучные цепы.

В переливах изумруда
Блещет, зыбко рябь струя,
Гладь расплавленного пруда –

Голубая чешуя.

Ветер дунет. Воду тронет,
Пошевелит стрекозу.
Золотистую уронит,
Грустно, дерево – слезу.

Небывалою усладой
Полон я. Не шелестя,
Пролетай и в волны падай,
Лист – отцветшее дитя!

Что-то как-то миновало.
Где-то кончилась гроза.
Без преград, без покрывала
Вечность смотрит мне в глаза.

Кто-то властный рек: довольно.
Усмирившись и внемля,
Вновь безлюдна, безглагольна,
Вновь молитвенна земля.

Круг полей – свободней, шире.
В бесконечность убежа,
Тлеет в пламенной порфире
Леса дальняя межа.

В этом кротком позлащенье,
В вещем шорохе листвы,
Извещенье возвращенья
Жаркой майской синевы.

Смерть с рождением – вечно то же,
Как начало и конец.
Осень, шествуй, в чащах множа
Искрометный багрянец!

Возрастающим сверканьем
Жажду сердца утоли!
Лес, пускай мы вместе канем
В смерть роскошную земли.

Нежит матовая краска
Отвердевшего листа.
С детства ведомая ласка
В дальнем небе разлита.

В синем блеске мысли стынут...
Иль из книги бытия
Возраст отроческий вынут,
Или вновь младенец я?

ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ

В чаще лесной густодебренной
Лег я в колючей траве.
На небе облак серебряный
Тихо плывет в синеве.

Полно, душа! не измеривай
Тягость грядущего дня.
Тень от зеленого дерева
Ласково лижет меня.

Миг совершенного отдыха.
Где-то затеряна цель.
Теплого синего воздуха
Греет меня колыбель.

РЯБИНА

Солнце блестит на заржавленном жёлобе.
Утро – морознее; даль – необъятней.
В небе безоблачном белые голуби
Вьются над ветхой моей голубятней.

Ярко, светло, и свободнее дышится.
О, этот вольный полет голубиный!
В небе далеком, холодном колышутся
Красные кисти созревшей рябины.

Снова становишься мира невольником...
Дыма взвиваются сизые клубы.
Там журавлей, что летят треугольником,
Зычно раздались призывные трубы.

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Холодны зори, и осень победнее.
Желтых лесов опустелые сени...
Ночью холодной роза последняя
Дышит и слушает ветер осенний.

Чахлый кустарник, без усталости зыблемый...
Гибель предчувствуя, стонут дубравы,

Стонут, взывают: погибли, погибли мы!
В тусклом сиянии – серые травы.

Носятся дымные тучи несметные,
Саваном призрачным месяц облекши.
Мира усталого жалоба тщетная...
Радости память, бесследно протекшей.

НА БАЛКОНЕ

Сладостно мир умирает.
Здесь, на балконе пустом,
Ветер холодный играет
Мертвым листом.

Лес – неподвижен и мутен,
Серая мша – над рекой.
Призрак любви... он – минутен!
Вечен вселенной покой.

Жизни, стремлений не нужно.
Вечер. Синё и темно.
Ветер, что с жалобой вьюжной
Бьешься в пустое окно?

СЕРЫЙ ДЕНЬ

Падают сгнившие желуди.
Поле готово отцвести.
Ветер о снеге и холоде
Начал ненастную весть.

Влагой наполнено до края
Белое небо вверху;
Зелень – беспомощно мокрая,
Листья желтеют на мху.

Ветер, довольно! суровую,
Бурную силу ослабь!
Пруда поверхность свинцовую
Морщит ненастная рябь.

ПЕЧАЛЬ

Истомился я долгою мукой,
Но душа не вконец сожжена.
Убаюкай меня, убаюкай,
Голубых вечеров тишина!

Я тихонько иду по оврагу,
И с лазурью роднится душа.
Под ногою от каждого шагу
Просыпаются листья, шурша.

Нет, весеннего счастья не надо!
Сердце, вечер с покорностью встретить,
Чтоб в безмолвье опавшего сада,
Как заря, на заре, умереть.

У ПРУДА

Еще за ночь с оранжевого клена
Упало несколько листков,
Холодная лазурь – прозрачна, углубленна
Без туч и облаков.

Дорогу преградя, с березы ветка свисла,
В осенней золотой парче.
Ты шла; и зыблилось, и пело коромысло
На девственном плече.

Вот пруд заискрился, и золотой, и синий,
Волнами жидкого свинца.
Коснулся тихий луч, скользнувши по рябине,
До твоего лица.

И для меня слились в священную прощальность
И ты, и облетающий лес,
И переливы струй, и голубая дальность
Безоблачных небес.

УСПОКОЕННОСТЬ

Сохнут дорожные рытвины,
Кротким лучом осиянны,
Выси – лазурно-молитвенны;
Травы лугов – безуханны,

Осень бесстрастною ласкою

Сердце ласкает влюбленно.
Над опустелой терраскою –
Шелест златистого клена.

Чем эта ясность безбурная,
Чем этот вечер заслужен?
Небо – такое лазурное,
Облак – так нежно жемчужен.

Радость лазурной невинности
В душу вливается свыше
В этой священной пустынности,
В блеске осенних затиший.

Вижу у пруда заглохшего
В золоте рдяную кисть я:
С дерева, грустно засохшего,
На воду сыпятся листья.

Небо – омытей, увлажненной.
Лес не шелохнет верхушки.
Дров серебристые сажени
Сложены вдоль по опушке.

Греются – бедные – спилены –
В ласке святых поднебесий.
Троп озлащенных извилины
В мертвом теряются лесе.

Лейся же, ласка целящая!
Мир безболезненно вянет.
Осень, забвенье сулящая,
Осень меня не обманет.

SILVAE

Jours de travail! seuls jours où j'ai vécu!
A. Musset

Дни творчества! Единственные дни, когда я жил! *(франц.)*
A. Мюссе

ИСТРЕ

По тебе не рыщут флаги,
Ты не носишь корабли.

Ты лелеешь в синей влаге
Юных нимф моей земли.

Волны резвы, волны быстры,
И сверкуч студёный вал.
Золотое имя Истры
Кто тебе, родная, дал!

Словно радуясь свободе
От разрушенного льда,
В дни весенних половодий
Как гремит твоя вода!

И, взревев, как зверь огромный,
Мирно катишься потом
Там, где Павловск многохолмный
Блещет пламенным крестом.

Огороды огибая,
Холмы кругом оплетя,
Золотая, голубая,
Ты смеешься как дитя.

То струишься гордо, плавно,
То взволнуешься, и вновь –
Своевольна, своенравна,
Словно девичья любовь!

Ты трепещешь, мечешь искры,
Завиваешься кольцом;
И глядится в лоно Истры
Нимфа с розовым лицом.

Отливаешься червонцем,
И в кристалле синих струй
Ослепителен под солнцем
Блеск серебряных чешуй.

Но, от буйств уставши диких,
Ты в зеркале отдала
И обителей великих
Золотые купола.

Истра! Богом ты хранима.
Знак тебе священный дан:
Возле роц Иерусалима
Ты зовешься Иордан.

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Ты, Брюсов, не был бы унижен
Среди поэзии царей,
И к ямбу Пушкина приближен
Твой новоявленный хорей.

Я женской, медленной цезуре
Послушным был рабом, и вот
Твоих созвучий ярой бури
Меня схватил водоворот.

То вещим магом, то ученым,
Ты встал: безжалостно греметь.
В твоём стихе озолоченном
Звенит Вергилиева медь.

Твой стих, что конь, в кипящей злобе
Уздой сдержанный едва,
И как удары мелкой дроби –
Твои короткие слова.

Чредой подъемов и падений
Твой стих бежит, как вал в реке.
Ты замыкаешь вихрь видений
В одной стремительной строке.

Ты тлеющего манускрипта
Разжечь угасший дух сумел.
Поешь ты о богах Египта,
Как будто их когда-то зрел.

Равно ко всем явлениям чуток,
Передаешь в напевах ты
И ласки грешных проституток,
И чистых мучениц мечты.

Всегда иной, всегда притворный,
Ты созерцаешь снег вершин,
Вдыхая чистый воздух горный,
Сам – в тине илистых низин.

Ты, Валерий, Пушкина лиру поднял.
Долго в прахе звонкая лира тлела.
В пальцах ловких вновь рассыпает лира
Сладкие звуки.

Дал ты метко в речи созвучной образ

В шлеме медном воина Рима. Равен
Стиль искусный медному звону речи
Римских поэтов.

Ты Эллады нежные понял песни.
Ты рисуешь девы стыдливой ласки.
Песни льются Аттики синим небом,
Медом Гимета.

Властно, крепко стих с меднозвонной рифмой
Ты чеканишь; образы – яркие; краски –
Сочны, свежи; цельною жизнью строфы
Полные дышат.

Вечно, вечно памятни будут, Брюсов,
Всем поэтам сон Ариадны нежной,
В мире мертвых стоны Орфея; вечны
Вопли Медеи!

В ОТВЕТ НА «ОЗИМЯ»

Прах, вспоенный влагой снега,
Режет гения соха.
Звука Пушкинского нега!
Пушкин – альфа, ты – омега
В книге русского стиха.

В ОТВЕТ НА «СТЕФАНОС»

Нет, наших песен не иссякла
Когда-то мощная струя:
В тебе поэзии Геракла
Встречают русские края.

Эллада, вновь из праха вырой
Кумиров мертвых телеса;
Воскрес Орфей с волшебной лирой,
Чтоб двигать камни и леса.

Но жребий царственный поэта
Язвящим тернием остер:
Тебя зовет вторая Эта
И очистительный костер.

Свиваясь, сохнут листья лавра
В пожаре яростных страстей,

И ядовитый плащ кентавра
Сжигает тело до костей.

Но – полубог – ты прянул в небо,
И нектар, сладкий и густой,
Тебе улыбчивая Геба
Подносит в чаше золотой.

АНДРЕЮ БЕЛОМУ

1

Старинный лозунг «Sanctus amor».
А. Белый

Нет, недаром мы с тобой
Время долгое без сна
Зимней ночью голубой
Проводили у окна.

Помню, помню странно вдруг
Измененные черты,
Как, заслышав голос вьюг,
Притаился ты.

Свет лампы из угла
Таял на лице.
За окном луна взошла
В трепетном кольце.

Этой ночью голубой
Будем вместе ждать зарю.
Этот лозунг за тобой
Вещим сердцем повторю.

2

Если ж умершие смертные память теряют в Аиде,
Буду я помнить и там моего благородного друга!
Нот. II. XXII, 389–390

Тебе привет мой с бедных, болотных мхов,
Где топи вяжет первый осенний лед,
Я шлю на дальнюю чужбину –
Родины ласку и ласку друга.

Пустеют, глохнут рощ золотых дворцы,
Ароматичен мертвый, истлевший лист.

Сверкает сталью пруд студеный –
Рыб омертвелых глухая урна.

Услышь мой голос в пышном раю искусств,
Патрокл мой кроткий, мой дорогой Орест,
С времен беспомощного детства
Брат мне по сердцу и брат по лире.

Давно уж муза черных твоих кудрей
Венчала россыпь гроздьями чермных роз,
Когда некрепкими перстами
До золотых я коснулся вервий.

Согласно жили наших богини лир:
В один вплетались запечатленный хор
Твоя роскошная царица
С бедною музой моей деревни.

Почто развел нас неумолимый Рок?
Святой оракул вновь не постиг Парис:
Ладья фригийская проникла
К Спарте святой, в тростники Эвроты.

Ах! сколько сирых всплачется матерей
И овдовелых сколько воскликнет жен:
О, если б, красная Елена,
Ты не срывала фиалок Иды!

Кому оплакать наш злополучный рок?
И твой Менетий прежде тебя угас,
У струй скамандровых Фетида
Плакать не будет о милом сыне.

Но цвествь весною будет мой дикий сад,
Кусты прозябнут, что насадил отец,
И снова яблони-невесты
Грудь нам овеют душистым снегом.

И настезь окна синей весне открыв,
Я буду гостя с чайньем тихим ждать,
И первых жаворонков трели
Будут мне вестью о дальнем друге.

МАКСУ ВОЛОШИНУ

(Сонет)

Ты говорил, а я тебе внимал.
Элладу ты явил в словах немногих:

И тишину ее холмов отлогих,
И роц, где фавн под дубом задремал.

Когда б ты знал, как в сердце принимал
Я благостную нежность линий строгих.
Ты оживил напевы козлоногих
И спящих нимф, в тени, без покрывал.

И понял я, что там безвластно горе,
Что там пойму я все без дум и слов,
Где ласково соединяет море

Брега мостом фиалковых валов,
В которых отразился свод лазурный,
Где реет тень сестры над братской урной.

А. Г. КОВАЛЕНСКОЙ

Эринний грозных горький, безлирный вопль
Затмил внезапно дня твоего закат;
Как древле старица Гекуба,
Урны несла ты с любезным пеплом.

Но не подрезан Скейский высокий дуб,
И синь как прежде твой заповедный Ксанф,
И веют в древней, дикой роще
Тень Поликсены и тень Кассандры.

С каменьеv храма стерта родная кровь;
Ахейской меди смолк смертоносный гул.
Целят твое больное сердце
Тихие лиры, полей свирели.

Благоуханен жизни твоей отцвет,
Как зыбколистных лип золотой хитон,
И свежи девственные розы
В древнем раю твоего наследства.

Твоей осенней, давней печали тишь
Лелеет чутко вешний младенца смех,
И при тебе цветет пышнее
Рдяный румянец веселой нимфы.

Г. А. РАЧИНСКОМУ

Обет не ложен: царства любви ключарь

Тебя помазал тайн расточать дары,
И на твоих одежд ометы
Пала воня золотого мира.

Кого наведаль полночь Никодим,
И кто под дровом Нафанаила зрел?
Он возложил тебе на рамо
Крест стратотерпный и вожденный.

Давно скудеет древний Петра алтарь,
И не увидит гордый, безумный мир
На сединах твоих маститых
Розы и терния Аарона.

Глушит молитвы пышных блудниц кимвал,
Над прахом храмов черный возник Содом,
И полн фиал святого гнева
Сирых слезами, младенцев кровью.

Блюди же втайне Симона древний ключ,
Который выпал из оскверненных рук.
Да облегчит ярем любви
В гору спасенья раба воззавший!

С. Н. ВЕЛИЧКИНУ

(Стансы)

Мой друг, единый из немногих
Еще не отнятых судьбой!
В родных полях, в полях убогих
Мы снова встретились с тобой.

Был майский вечер. Быстро тая,
Тускнела красная гряда.
Над темным парком золотая
Горела трепетно звезда.

Ты помнишь трав благоуханье,
Зарю в течение ночи всей
И на рассвете трепыханье
Золотоперых карасей?

С удой, над аиром зеленым,
Ты, как сейчас, в глазах стоишь.
Ползет туман; субботним звоном
Полна задумчивая тишь.

Идя родною Комарихой,

Ты песню вольную запел.
Дышала зелень; вечер тихий
Благоуханьями кипел.

Твоя душа всегда уныла,
Тебе в глаза глядится тьма;
И мне угрозы затаила
Уже нависшая зима.

Но будет май, и мы воскреснем.
Тогда на родину причаль,
Чтоб вместе слиться нашим песням
В одну старинную печаль.

И. С. ЩУКИНУ

1

Вспомни о нашем последнем свидании,
Под небом печальным Зеленеющей Дании,
Где разносятся чайки рыдания,
Споря с оркестром купальным.

Вечером дали
Станут неверней, туманней.
В окнах рояли
Нежно сольются с словами простого романа
О ранней
Смерти влюбленного Ганса.
В Дании горе
Станет прозрачней и тише:
Между зеленых каштанов сверкает так ласково море;
Мягко звонят колокольни и высятся острые крыши.

Вечером сядь под плакучей, развесистой ивой,
И Андерсена
Вспомнишь рассказ ты тоскливый –
О том, как измена
Бедного, доброго Ганса убила.
Под ивой,
Там, где ребенком он с нею бывал на свидании,
Да, под зеленою ивой задумчивой Дании
Бедного парня могила.

Дания!
Помнит ли ныне твое вечно серое море
Про всемирное, вечное горе,
Про глухие страдания
Принца печального, в черном берете, со шпагой?

Или уснуло оно, погребенное влагой
Волн, что сереют и в небо уходят, спокойные?
Всё неподвижно; пестреют домов черепицы,
В лазури плескаются флаги,
Льются оркестра созвучия стройные,
И проносятся серые птицы.
Да, но когда океан свою даль затуманит,
Смолкнет тревога докучная жизни вседневной,
Образ печального принца под месяцем встанет –
Призрак тоскующий, жаждущий мести и гневный.

Да, золотые предания
Ты сохранила, страна безысходной неволи!
Небо неясное, воздух больных меланхолий –
Зеленая Дания!

2

Помнишь ночь? Зари дрожало пламя,
Летний день и холодел, и гас.
По дороге пыльной, меж полями,
Дребезжал наш ветхий тарантас.

Ветер выл, холодный и зловещий;
Над болотом зыблился туман.
Там, в задке, позвякивали вещи,
Кувыркался серый чемодан.

Помнишь, как «должно быть, опоздали»,
Выехав из леса, ты сказал.
Перед нами в темно-синей дали
Огоньком едва мерцал вокзал.

И, со всех сторон объятый мраком,
Озаря сумрачный простор,
В вышине надежным, верным знаком
Загорелся грустный семафор.

Помнишь, как в вагоне полутемном
Мы предались неземной мечте.
Жизни смысл таинственно-огромным
Представал в вагонной темноте.

И стучали яростно колеса,
И баюкал равномерный звук...
И к нестройным голосам хаоса
Чутко ты прислушивался, друг.

Этот миг не может быть случаен...
Помнишь, как, перелезая рвы,
Ночью мы скитались у окраин

Тьмой огней мерцающей Москвы?

Этой ночью, светлой и прощальной,
Наш союз навеки заключен.
И, премудрый, строгий и печальный,
Ты в душе моей запечатлен.

ИЗ ЭПИФАЛАМЫ

Всё улыбается светло Вам:
Цвести природа начала;
Кружится в сумраке еловом,
Над мохом, первая пчела.
Шумят разлившиеся воды,
И на закате хороводы
Тревожат песнью сон дерев.
Под звонкий смех веселых дев
Летают легкие качели.
Под искрометной синевой
Светлеет ярко зелень хвой,
И Primavera Ботичелли,
Под говор птичьих голосов,
Скользит меж нимф, в глуши лесов.

И, терем льда разбив хрустальный,
Ревет ручей, как дикий скимн;
И шум воды, и звон пасхальный
Сливают звуки в общий гимн.
И гром воды, и пенье меди –
Всё, все вещает о победе,
И грудь земли открыла всем
Восторгов праздничный эдем.
Гуляет ветер вольно, шумно
Над первой зеленью листов.
В короне полевых цветов,
В объятья милого Вертумна
Помона юная спешит;
И ветер травами шуршит.

В саду вечернем, благовонном,
Поет скрипучее ведро.
И солнце прячет, внемля звонам,
Багрянозлатное ядро.
Поля овеял сумрак мирный
И – светоч области эфирной –
Один, на синеве густой,
Выходит Геспер золотой,
И соловей – любовник томный –
Когда забрезжила звезда,

Поет, порхнувши из гнезда,
Над сонным прудом, в роще темной.
Цветы – священный фимиам,
И звезды – клир, и роща – храм.

МОСКВА

Виктору Гофману

1

И этих лет я с сердца не сотру:
Воспоминания тем явственней, чем старе.
Как помню я прогулки поутру
И радость игр на Зубовском бульваре!
Я ростом был тогда почти что клоп,
Но помню яркость первых созерцаний,
Как я испуганно порою жался к няне,
Увидев желтый, деревянный гроб...
Как я всегда любил весну в Москве:
Побег ручьев, детей веселых визги
И одуванчики в густой траве,
Как золота расплавленного брызги.
Пролеток яростно грохочет колесо;
Листы берез благоуханно клейки.
Ребенок катит желтое серсо,
Болтают няни, сидя на скамейке.
Вот мальчуган, одетый как матрос,
Прошел с зеленым, глянцеви́тым шаром.
И небеса синеют над бульваром,
И ветер шелестит вершинами берез.
Лужайки, влажным светом залитые,
Костюмов свежих разноцветный драп,
И девочек головки золотые,
И ленты их весенних, легких шляп!

Порой случалось забрести на рынок,
Где пахли рыб обмерзлые хвосты.
Там находил я пищу для мечты
Средь грубо размалеванных картинок,
Повешенных в порядке вдоль стены.
Меня пугала тел греховных груда,
Летящих в бездну ада, и Иуда
На огненных коленях сатаны.
Я помню вывеску с надтреснутою буквой,
Капусты запах, грязные столы,
И кадки, мерзлую наполненные клюквой,
И много мокрой, красной пастилы.

Как я любил осматривать киоски,
Читать названия дешевых книг,
И в колокола нежном отголоске
Подслушивать знакомый мне язык.
Я меж Остоженкою и Арбатом вырос,
И помню в смутном, детском полусне
Приходский храм, и полный певчих клирос,
Иконостас, сияющий в огне.
Я помню тихий Штатный переулок
И в небе знаки первые весны:
Просохли камни, шум пролетов гулок,
И облаков бегут причудливые сны.
Как ярки трав зеленые побег!
Всё омывается волнами янтаря...
И гаснет память о недавнем снеге,
И гаснет медленно вечерняя заря.

2

Веселый вечер майский. Все от жара
Выходят отдохнуть, садятся у крыльца,
И грохот музыки доносится с бульвара...
Меж листьями горят отливы багреца.
Вкруг храма белого, в пыли, уснули скверы,
На клумбах зыблются спаленные цветы,
И еще дышит зной от каменной плиты.
Роями вывелись на улицах гетеры.
И, тросточкой махая, кавалеры
Им шепчут на ухо развратные слова.
Бульвар стоит теперь, и густ, и пылен...
Уже детьми истоптана трава,
И против шалунов городской бессилён.
Всегда знакомых встретишь в этот час.
На пыльном небе звездочка мерцает,
И где-то мертвый вспыхивает газ...
И незаметно ночь горячий день сменяет.
А в переулках, у Москвы-реки,
Фабричные толпятся, дети, бабы...
Здесь замирает гул пролетов слабый;
Отражены в воде, мерцают огоньки;
А запад меркнет, тусклый и кровавый.
В сиянии лучистых, крупных звезд
Блестят Кремля золоченные главы
И обрисованный узором четким крест.
Далеко сад раскинулся тенистый,
А там, за ним – несметные огни.
Приятно сесть под деревом, в тени,
Где веет ветер чистый.

Люблю Никольскую полночную порой;
Здесь экипажей шум и заглушен, и ровен;

Люблю я двери запертых часовен
И огонек лампадки золотой.
Я, шляпу сняв, крещусь благоговейно...
Вдруг – белый свет из верхнего окна,
И вижу вывеску нарядную Феррейна,
Где до утра не знают сна.
Закрыты окна лавки синодальной.
Вот у дверей, затворенных пока,
Молебна ждет народ многострадальный:
В нем вера в чудо глубока.

О, ночи синие! притихший гул пролетов!
Душа, восторг невыразимый пей.
Луна, скиталица заоблачных степей,
О, как твой взор – и благостен и кроток!

В ВАГОНЕ

За окном блестят поляны
При серебряном серпе.
Опустелые диваны...
Я – один в моем купе.

Где ты, счастье? где ты, горе?
Где друзья и где враги?
Там, за дверью, в коридоре
Чьи-то мерные шаги.

Где ты, жизни сон тяжелый?
Отчего бегу, куда?
Пролетают мимо села,
Города.

Задремал в вагоне душном.
Стены давят, словно гроб.
Гаснет в сумраке воздушном
Искр мгновенных яркий сноп.

Мчится поезд с легким треском.
В край далекий повлекло...
Лунный серп холодным блеском
Ударяет о стекло.

Озаренные диваны
В отделенье без огня.
Как родные, чемоданы
С полки смотрят на меня.

НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Берег, дикий и песчаный,
Волн пространство голубое;
Шум немолчный, неустанный
Набежавшего прибоя.

Чайка белая взлетела,
Закружилась, и упала,
И исчезла в пене белой
Набегающего вала.

Взволновавшаяся пена,
Разбиваясь, исчезает;
Но из бездны неизменно
Ропот новый возникает.

Берег, дикий и песчаный,
Волн пространство голубое;
Шум немолчный, неустанный
Набежавшего прибоя.

БЕЛИЦА

«Горе мне душу томит,
Скучно мне в келье дощатой.
Плотно обставлен наш скит
Елей стеною зубчатой.

В кельях душистой смолой,
Маслом и ладаном пахнет.
Тяжко мне жить, молодой:
Жизнь моя девичья чахнет.

Сестры протяжно поют,
Платья убоги и грубы.
Взглянешь кругом: лишь встают
Келий дубовые срубы.

Пахнет, синеет весна.
Голос кукушечий слышен.
Иль я лицом не красна?
Стан мой – не строен, не пышен?

В горы пойду погулять
(Вся истомилась я за год),
Песни попеть, посбирать

Диких цветочков и ягод».

С криком над тихой рекой
Носится вольная птица.
Сходит по горке крутой,
В белом платочке, белица.

Полны глаза ее слез...
Белые речки извивы,
Тонкие прутья берез,
Дымно-прозрачные ивы.

С горки неслышно скользя,
Тихо минует тропинку,
К алым губам поднеся
Хилую травку – былинку.

Плачет она, и платок
Сжала дрожащая ручка.
Камень летит из-под ног...
На небе – серая тучка.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТА

Мой фонарь затеплен. Где ты?
В небе – таянье светил.
Сладким именем Джульеты
Я бужу покой могил.

Путь мой верен. Вот ограда.
Места нет мольбам, слезам.
Ты со мною, стклянка яда –
Исцеляющий бальзам.

Поцелуям, ласкам, вздохам
Говорю «прости». С тобой
Лягу я под черным мохом
Зарастающей плитой.

Вижу лик – снегов бескровней.
В волосах увял венчик.
Перед образом, в часовне,
Рдеет красный огонек.

Жизни тягостные цепи
Что мешает мне совлечь?
Никого – в фамильном склепе,
У бедра – мой верный меч.

Помню вечер первой встречи;
Ряд высоких, длинных зал,
Зеркала, портреты, свечи –
Беззаботный, шумный бал.

Помню бешеные пляски,
Музыку с высоких хор.
Из-под черной полумаски
Незнакомый, нежный взор.

Шпаги, пестрые камзолы,
Прелесть игр на все лады.
Шум разгульный, шум веселый.
В вазах – красные плоды.

«На рассвете, на рассвете
Дверь балкона отвори!»
Над садами Капулетти
Первый робкий луч зари.

Жду: вот раскроются двери балкона;
Светится милой окно в вышине.
Там, далеко, за садами, Верона
Спит в голубой тишине.

О, дорогая, прости. Слышу: в поле
Жавронок трелью о дне возвестил.
Нет, не могу оставаться я доле;
Таает сиянье светил.

– О, погоди: нет, не жавронок это:
Мирно полнощный поет соловей.
Сонно в полях. Далеко до рассвета.
Страх свой напрасный развей.

Ты ль это, ты ль на холодном граните?
Ты ль, чьи уста были так горячи!
Плавню на кудрей златистые нити
Льются лампы лучи.

Вот он, в холодном, стеклянном сосуде
Мутный, страданья кончающий яд.
Грудью к твоей припадаю я груди,
Холодом смерти объят.

UM DIE LINDE*

...над этой сладкой прозой...

В. Брюсов

Малый и старый
Сошлись у липки.
Кружатся пары
Под пение скрипки

Старые, трубки куря,
Пиво баварское пили.
Там зажигала заря
Церкви готической шпили.

Девушке нравится парень один:
Щечки зардели, и смотрит в передник.
Парень – соседнего фермера сын,
С виду хорош и богатый наследник.

Нравится Генриху пухлая Минна,
Только ее выбирает для пляски.
Робко прильнула к нему, и невинно
Смотрят на юношу синие глазки.

Слышится смех, болтовня, комплименты...
Блещет помада на черных усах.
Желтые, алые, синие ленты
Прыгают в русых и черных косах.

Что за красавицы! сочные губки,
Щечки – что розы и вздернутый нос!
Старые курят задумчиво трубки,
Пьют, обсуждая серьезный вопрос.

Парни танцуют умело и браво;
Кружатся, вертятся – целый их полк.
Девушки носятся влево и вправо,
Только шуршит, развевается шелк.

Малый и старый
Сошлись у липки.
Кружатся пары
Под пение скрипки.

*Возле лип (*нем.*).

ГЕРКУЛЕС НА РАСПУТЬЕ

Старая картина
В тонах потухших
Сюжет нарисован классический:

Под листвою,
Не живой,
Как бы металлической,
Темно-зеленых древес,
В душевной борьбе роковой,
На мраморной, гладкой скамейке сидит Геркулес.
В женственной прелести всей,
У ног его – Афродита.
В золоте пояс ее, в жемчугах, изумруде.
Вуалью прозрачных кисей
Нежное тело повито.
Чашами круглыми высятся полные груди.

Тело богини, цветка полевого стройнее и гибче ты,
Над красками дивными немощны долгие лета.
Желтые кудри богини – всё так же рассыпчаты,
Белы, как встарь, жемчужовые зерна браслета.
Жизнию дышат потусклые краски холста.
Правда, прошло по нем время, кой-где отверстьем пятная...
Но красота
Юной богини для смертного зрима.
В волосах роскошных – цветная
Диадима.
Полуоткрыты уста.

Сладкое шепчет герою могучему слово.
На ногу мощную юноши нежно ступила нога.
Слезой перловой
Под розовым ухом сияет серьга.
Глаза – изумрудно-янтарные,
Речей убийствен мед.
Лепечет ласки коварные...
А сзади сверкают дворцы лучезарные
И пенный журчит водомет.
Из белого мрамора лестница
Ведет в роскошный покой.
Гибкою рукой,
Белеющей резко на коже героя, коричневой, смуглой,
Прелестница
Розан дает ему круглый.

Она – порока эмблема.
Против женщины первой,
С горгоной на стали шлема,
Стоит сурово Минерва.
Черты лица ее – строги,
И дышат мудростью взоры.
В даль Геркулеса она призывает и кажет властительным пальцем
Кремнистые, скудные горы.
Бесплодные всходят отроги,
Без травки, без рощи,
Одною украшены пальмой тощей.

Туда
Велит Гераклесу идти неустанным скитальцем.
Путем лишений, труда
Герою следовать надо:
Всходить на обрывистый склон.
Там, на вершине, из мраморно-белых колонн
Гордо стоит колоннада.

Раздумия полн Гераклес.
Напряжение видно в чертах величавых.
Блестит запутанный лес
Волос, умощенных, курчавых.
Хочет решение он оттянуть провололочкой,
Минуты выбора тяжки.
Плащ с золотой оторочкой,
Конец багряной хламиды,
Накрыл железные ляжки,
Упав с коленей Киприды.
Тело громадное вздули упругие мускулы.
Как бесконечно ласкаете взоры вы,
Краски картины потусклые
Бледным и сумрачным тоном.
О, лепестки этой розы фарфоровой
С полураскрытым бутоном.

АЛТАРЬ ДИОНИСА

В небо синее глядит
Темный конус кипариса.
Старый жертвенник стоит
Бога Диониса.

Замкнут сад стеной сырой.
Влажный сумрак и прохлада.
Только там и здесь порой
Промелькнет дриада.

Где лесные божества
Потешались на свирелях,
Всё умолкло, и трава
Прорастает в щелях.

Долетел ручья напев
Из-за мраморной колонны.
Остро пахнут, перепрев,
Мертвые лимоны.

Скоро ночь большую тень
На алтарь накинёт.

Тишина. Горячий день
Понемногу стынет.

Люди здесь молились встарь
У подножья кипариса.
Это – брошенный алтарь
Бога Диониса.

ВОСПОМИНАНИЕ

Нет, не забыть мне Ривьеры;
Детских годов,
Свежих садов
Сердцу родной Бордигеры.

Помню я горные склоны...
Как по утрам
Я по горам
Шел собирать анемоны.

Желтая вьется дорога.
Вот фиалок ковер,
Разбегается взор:
Как душисты, как много их, много.

Помню, как виды далеки, как широки
С берегов.
И богов
Первые помню уроки.

Бордигера! Ты – матери нежное лоно –
Первых дней колыбель –
Тихий отель
Лазерона!

МУНЭ СЮЛЛИ И АЙСЕДОРА ДЕНКАН

Вы – две иконы в храме моей души:
Слепец безумный, ярый Мунэ Сюлли
И ты, весенняя улыбка,
Нимфа Ионии, Айседора.

Я помню толпы, павшие с плачем ниц,
С масличной ветвью, возле колонн дворца.
О, что вам, дети? что вам, дети,
Племя несчастное старца Кадма?

Склонилось солнце, кровель верхи злата.
Страдальцу шепчет девушек легкий хор:
Поверь улыбчивой надежде,
Кто была мать твоя, младенец?

Не Аполлон ли, розоланитных нимф
Любовник тайный, зачал тебя, дитя,
И нимфы грудью сладкомлечной
Был ты взлелеян в глухой дубраве?

Нет, брось надежды! отцеубийца – ты,
На Кифероне твой отзовется стон:
Кто осквернил преступным браком
Матери, матери вдовье ложе?

Ты с воплем вежды кованым бьешь ремнем,
И червленеет кровью слепой зрачок.
Ты пресмыкаешься во прахе,
Зверь, уязвленный стрелою Рока.

Но что остудит яростных мук костер?
Ах! кто осушит раны горячей кровью?
Прохладный ветер любви дочерней:
Посохом старцу – плечо Исмены.

Я помню пляску нимфы Диркейских струй
О, Айседора, рощ Эриманфских цвет!
В покрове из цветов весенних
Ты устремлялась к родному солнцу!

То резвым фавном, ствол приложив к губам,
Топтала стебли диких, лесных цветов;
То, наклоняясь к белой влаге,
Изнемогала в истоме сладкой.

То, позабывши шелест родных дубрав,
Хитоном красным нежную скрывши грудь,
Сменяла ты напев свирельный
Новыми гимнами арф небесных.

Ты заменяла родины злачный луг
Садами кринов и золотых плодов,
И полевые розы Мосха
Райскою лилией Фра Беато.

То нисходила в бледный загробный мир,
Чаруя лирой страждущий хор теней.
Услышь мой голос, Евридика,
Голос любви за печальным Орком!

Вы – две иконы в храме моей души.

Вы – два фиала горьких и сладких грез:
Вы дали пить мне на Голгофе
Оцет Софокла и мед Гомера.

ПИЭРИЙСКИЕ РОЗЫ

Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком Латинской музыки голос
И я люблю Парнасские цветы.
Пушкин

ДАФНА

Бог Эрот, ярясь на Феба,
Вольный лёт в эфире мча,
Две стрелы свергает с неба,
Изострив и наточа.

Феб томится в страстном плене:
Грудь ему насквозь прожгла
Острым жалом вождлений
Златоствольная стрела.

Ранит Дафны грудь невинной,
Леденящая сердца,
Та другая, с сердцевиной
Из тяжелого свинца.

И Эрот, отмстив обиды,
Возвратился в небеса.
Феба нимфы Пенеиды
Жжет расцветшая краса.

Где журчит ручей прозрачный,
Весь в серебряной пыли,
Дафны, вольной и безбрачной,
Дни веселые текли.

В брак уж вступить побуждал ее местный обычай,
Но в неприступных лесах укрываться любила одна;
Мужа чуждалась, звериною тешась добычей,
Словно Диана, для страстной любви холодна.

Дафна скитаться любила в лесистой тени молчаливой,
Всем женихам, что искали ее, отказав.
Русые кудри, что прядью вились прихотливой,

В косу простую сплетала, повязкой связав.

Шепчет ей Делий: «О Дафна! под деревом сядем!
Внемли молениям страстным, и легкий покров распусти.
Гребнем злаченным по этим распущенным прядям
Дай провести!»

Нимфа бесстрастная тщетно ему прекословит...
Стройные члены раскинув меж трав и корней,
Он ей любит, дышит в лицо ей, и ловит
Кудри златистые – шелковых нитей нежней.

Хвалит взоры – звезд лучистей
(Как от уст глаза отвлечь?);
Нежны руки, пальцы, кисти,
Белизна открытых плеч.

Очи гневом заблестели,
Скрылась в мир лесных теней,
И язвимый страстью Делий
С воплем бросился за ней.

Не мирящийся с разлукой,
Он проносится среди чащ,
– Светозарный, сребролукий, –
И по ветру вьется плащ.

«Нимфа, стой! Как от льва убегают олени,
Агнцы от волка, как голубь летит от орла,
Что ты бежишь, спотыкаясь и рая колени,
Будто из лука стрела?»

Нимфа, стой! Доверяясь тропинкам неверным,
Что ты бежишь, не внимая призывам любви?
Ноги безвинные острым и жалящим терном
Не рви!

Знаешь ли, кто за тобою бежит? Я – не горный,
Грубый пастух, стерегущий родные стада.
Знала бы, кто я, наверно ногою проворной
Ты б не бежала тогда!

Знай: мне Юпитер – отец; я – пророчества дивного дара
Бог, и властитель я творческих грез.
В Дельфах мне служат, покорны мне Кларос, Патара
И Тенедос.

Стрелы мои беспощадны: неведом им промах;
Только стрела твоя стрел моих грозных верней!
Рана томит меня: я среди трав, мне знакомых,
Сам врачеванья владыка, спасенья не вижу от ней».

Дафна, робко розовея,
Всё бежит скорей, скорей,
И, ее покровом вея,
Ветер треплет прядь кудрей.

Мчится нимфа в ствольной дали,
В зыбкой лиственной тени.
Позолоченных сандалий
Рвутся крепкие ремни.

«Нимфа, стой, велик, могуч я,
Быстробежный Аполлон!»
Мнутся травы, гнутся сучья,
Эхо вторит гул и звон.

Зов любви его бессилен,
Дафна, розы розовой,
Мчится ветром меж извилин
Диких троп, во мгле ветвей.

Он нагнал, и Дафна слышит,
Как дыханье горячо,
И под ним стыдливо пышет
Обнаженное плечо.

Речь его – упорней, гневней...
Дафна смотрит перед ней
Волны катит старец древний,
Пенноблещущий Пеней.

И взмолилась: «о, родитель!
Ты – всевластен, ты – велик.
Будь же дочери спаситель
Измени злосчастный лик».

Смолкла, и стала невинного агнца покорней.
Тело ее цепенеет, и груди оделись корой.
Резвые ноги впиваются в землю, как корни.
Руки становятся сучьями, кудри – зеленой листвой.

Складки одежды твердеют, становятся глаже;
Зеленошумной вершиной замкнулись уста.
Вся изменилася Дафна, но та же,
Прежняя в ней красота.

Любит ее и такой Аполлон, и, как члены,
Гибкие сучья обвив, слышит сердца любимого бой.
И поцелуи горячие напечатлены
Им на коре, для ответных лобзаний немой.

«Будешь отныне цвести без скончаний,
Будешь в моих извиваться кудрях,

Будешь на цитре, на звонком колчане,
Знаком победы на гордых царях.

Я примиряюсь с враждебною долей,
Дафна, цветы же могучей, пышной,
И на вожде, что войдет в Капитолий,
Ярким победы венком зеленей!

Как мои кудри нетленно хранимы,
Так свой зеленый убор сохрани;
Вечно цветы: и в холодные зимы,
И в беспощадные летние дни».

Кончил Пеан; и, ему отвечая,
Лавр колыхаться вершиною стал,
И, молодыми ветвями качая,
Что-то шептал.

ПИРАМ И ФИСБА

У стен Вавилона
Раскинулись гущи веселых садов.
Лазурное лоно
Белеет от парусных, быстрых судов.
На пристань товары
Слагают купцы,
И высится старый
Воинственный город, и блещут дворцы.

И шумом торговли
С утра многолюдная гавань полна.
Колонны и кровли
Уходят в лазурь, и синееет волна,
Корабль мореходный
В чужую страну
Бежит, и холодный,
Резвящийся ветер вздувает волну.

В обителях смежных
Два сердца в едино любовью слиты:
Меж юношей нежных
Пирам, заслуживший венок красоты,
И Фисба, востока
Затмившая дев.
Но грянул жестоко
На юных влюбленных родительский гнев.

Любовь невозможно
Залить беспощадным запретом отца.

Сокрыто, тревожно
Всё жарче, как угли, горели сердца.
Восторгом любовным
Питались огни.
И знаком условным
Немую беседу водили они.

Отверстьем отмечен
Был камень стены, разделявшей чету.
Изъян – не замечен
Никем при постройке. Немую плиту
Лобзаньем горячим
Влюбленные жгли,
И лаской, и плачем
Друг с другом сквозь стену сноситься могли.

И часто бесплодно
Здесь шепчутся жалобы страстной четы,
И поочередно
С отверстьем смыкаются жадные рты.
И ласки шептали
Далеким губам,
И тихо роптали,
Покорными быть не желая судьбам.

«Зачем ты разделом
Завистливо стала меж нами, стена?
О, если всем телом
Сопрячься не будет нам радость дана,
Молю о немногом,
Молю, – не ревнуй –
Чтоб сладким обжегом
Хоть раз на устах прозвучал поцелуй!»

Смешались тени,
И мрак зачернел, одноцветен и густ.
И тихие пени
Умолкли, и вздохи посыпались с уст.
Всё с тою же жаждой
Им надо уйти.
И в трещину каждый
С лобзанием бросил рыданье: «прости!»

Аврора на мысах
Рассыпала искры. Туман поднялся.
В сиянии высох
Зеленый, серебрящийся луг, и роса
Исчезла с растений.
Лучом золотым
Развеялись тени.
Созвездья погасли одно за другим.

На месте условном
Сошлись, и, сначала судьбу упрекнув,
Во мраке безмолвном
Решают, впервые родных обманув,
Явиться сюда же,
Покинув дома.
Над зоркостью стражей
Победу ночная воспряднует тьма!

И ласкам их нежным
Зеленое ложе под лунным лучом,
Под деревом, смежным
С серебряным, сонно бегущим ключом.
Здесь вкусят едино
Блаженство они,
Где статуя Нина
Белеет из мрака в древесной тени.

На водное ложе
Склонился пылающий солнечный день.
Из моря того же
Вечерняя встала холодная тень.
И Фисба, покровом
Окутав лицо,
К заветным дубровам
Пошла, повернувши дверное кольцо.

Согласно условию,
Под деревом села, и видит: ворча,
С дымящимся кровью,
Рыкающим зевом ко влаге ключа
Приходит напиться,
С тяжелым хвостом,
Громадная львица.
И Фисба скрывается в гроте пустом.

Во время испуга
Упал с ее тела, развившись, покров.
И львица – подруга
Владыки обильных зверями дубров –
На тонком покрове,
Попавшемся ей,
Оставила крови
Багровые капли и знаки когтей.

Без думы, без страха,
Выходит влюбленный, не чуя беды.
Дорожного праха
Краснеют слои, и от зверя следы
Заметны, и страшен
Пираму их вид.
И, кровью окрашен,

Покров неожиданно взоры язвит.

«Пускай же мы оба
Единою ночью погибнем! Но ты
Не гроба, не гроба
Достойна в расцвете твоей красоты.
Я ж гибну виновным,
Твой день загубя,
На месте условном,
Безумец! – заране не ждавший тебя!

С веселостью злою
Преступника тело изложите вы,
Под этой скалою
Живущие, царственно-грозные львы,
И рявкая зычно,
И члены дробя.
Лишь робким прилично
Бессильно хотеть уничтожить себя!»

И милые ткани
Слагает под зыбкою тенью листа.
И слез и лобзаний
Мешает дары, и кровавит уста.
И с тихой беседой
Упавши на ткань,
Он шепчет: «отведай
И крови моей добровольную дань!»

Схватил к пояснице
Привешенный меч, и вонзил острием
Под грудь, и ресницы
Смежились, и кровь закипела ручьем,
Обильно осыпав
Багряной росой
Растенья, и, выпав,
Железною меч засверкал полосой.

И кровь не иначе
Из раны забила, дымясь и кипя,
Струею горячей,
Как, возле отверстия трубки, шипя,
В стремлении яром
Вода закипит,
И мощным ударом
Воздушные волны сечет и кропит.

И исчерна-красны
От крови на дереве стали плоды,
Где умер прекрасный
Пирам. Но, в неведение новой беды,
Влюбленная дева

Спешит под навес
Условного древа,
Хоть страх с ее сердца не вовсе исчез.

Плодов перемены
Рождают сомнение в ее голове.
Кровавые члены,
В предсмертном биенье простерты в траве,
Увидела – горю
Поверить невмочь.
Подобная морю
В безветрие, стала, отпрянувши прочь.

Но миг, и узнала
Пирама – единую сердца любовь.
И вдруг застонала,
И слезы закапали в жаркую кровь.
Младенца живее,
Коснулись до губ,
И, кудри развея,
Сдавила руками немеющий труп.

И с горестью жгучей
Вскричала: «Пирам, отзовись, отзовись!
Пирам! что за случай
Расторг нас с тобою? Пирам! подымись!
Но нет! ты не дышишь – бедная я!
Пирам, ты не слышишь,
Что Фисба тебя называет твоя?»

При имени милом
Глаза, отягченные смертным концом,
Он поднял, с унылым,
Блуждающим взором, и веским свинцом
Сомкнулися вежды,
Зрачки отягча.
И Фисба одежды
Узнала свои и ножны без меча.

Без страха, без дрожи,
Сказала: «ты был доброволен в крови.
Во мне для того же
Достаточно силы, довольно любви!
Судьба наша – та же:
И смертью самой,
Могилою даже
Пирам от меня не отторгнется мой!

Вас, нашему благу
Мешавших отцов, я молю об одном:
Пусть с милым я лягу
В единой гробнице, под тем же холмом.

А дерево это
Убийства следы
Пусть носит, и цвета
Печального, темного станут плоды».

Сказала и прямо
Упала вперед, чтобы грудью налечь
На кровью Пирама
Дымящийся, теплый, язвительный меч!
И темно-пурпурна
Плодов кожура,
И общая урна
Прияла два тела – останки костра.

ИО

Эллису

Сорвавшись с лесистого горного склона,
Разрушив преграды скалистых камней,
По дну плодородного, злачного лона
Темнейской долины струится Пеней.

Забрызганы пеной деревьев вершины,
Далече дубравы журчаньем полны,
И черпают белые нимфы в кувшины
Кристалльную влагу прыгучей волны.

В пещеру Пеней – глубоко в утесах –
Стекаются реки окрестных полей
И белые нимфы, в рассыпчатых косах
Колесит короны болотных лилей.

Приходит Сперхей, по лугам побережным
Взлелеявший тополь и темный акант,
Старик Апидан с Энипеем мятежным,
И мирный в теченье Анфриз, и Эант.

Стекаются реки, бегут отовсюда,
Пока, утомившись в блужданье пустом,
Не ввергнется в море вспененная гряда,
Пока не растают хребет за хребтом.

Инах удалился в скалистые недра,
Чтоб милую Ио оплакать свою.
Он слезы струит беспрерывно и щедро,
И множит слезами речную струю.

Не знает отец, озаряет ли Делий

Любимую дочь, на земле, средь живых.
Иль скрылася Ио в лугу асфоделей,
Причастная сонму теней гробовых.

Давно уже девушке те же и те же
Впивались мечтанья в полунощный сон,
И что-то, лаская словами и нежа,
Шептал, проникая в ее Парфенон:

«Покорствуй, о Ио, великой Киприде!
Иль девственность хочешь бессрочно беречь?
Довольно! из робости девичьей выйди,
И слушай внимательно сладкую речь.

Счастливая дева! ты телом пригожа,
И Зевс вождельнем пылает к тебе.
Дитя! не отвергни Зевсова ложа,
Безумно противиться дивной судьбе.

О робкая! что тебе в жребии девы!
Приди, всепобедной Киприде служа,
Туда, где Инаха шумящие хлевы,
Где в полдень трава – глубока и свежа.

Там, в час, когда солнце пылает в зените,
Ты тело объятиям Зевса вручи.
И взор истомленного бога насыти,
И в пламенных ласках его опочий».

Полдневное солнце палило жестоко,
Манила прохлада зеленых древес.
И к Ио, от отчего шедшей потока,
Такие слова обращает Зевес:

«О дева, достойная Зевсова ложа!
Приветно ответь на приветную речь.
О, как ты прекрасна! из смертных кого же
Достойно с тобою в объятье сопредить?»

Где сумрак древесный прохладней, безмолвней,
Войди, нас не тронет покорный мне зверь.
Я – бог скиптроносный, владыка я молний.
Постой! не беги! и признанью поверь!»

Но девушка мчится проворнее серны.
Последние силы напрягши, собрав,
Минует зеленые пастбища Лерны
И темные тропы Лиркейских дубрав.

Но бог, опаляемый яростью жгучей,
Окрестности спрятал в тумане седом,
И нимфу, объятую черною тучей,

Схватил, торжествуя над первым стыдом.

И Гера глядит с золотого престола.
Внизу, сквозь клубящийся, черный покров
Не видит она ни дубравы, ни дола,
Затянутых мраком сгущенных паров.

Богиня привыкла к коварным изменам;
Зажглось подозренье: наверное, вновь
Зевес, надсмеявшись над ней и Гименом,
С какой-нибудь нимфою делит любовь.

И, пользуясь властно божественным правом,
Богиня туманы свивает к ногам.
Велит просиять омраченным дубравам,
Велит озариться потусклым лугам.

Любовник предвидит позор неизбежный.
Он знает, что Гера ревниво-строга,
И делает Ио телицею снежной:
Из белого лба вырастают рога.

Но в образе этом пленительна даже
Злосчастная жертва Зевесовых чар.
И ревность богини, и ярость – всё та же:
Она обращенную требует в дар.

И Ио, исполнена горя и страха,
К любимым, родным убегает краям,
Где катятся синие волны Инаха,
Где рощи сбегают к веселым струям.

Вот тихий, прозрачный залив, окруженный
Зеленой толпой молодых тростников.
Но Ио, увидя себя отраженной,
Подъемлет неистовый, горестный рев.

Напрасно печальные, робкие взгляды
Бросает она на отца и сестер.
Не знают ее ни Инах, ни наяды,
Игравшие с нею во впадинах гор.

В ответ на ее непонятные ласки
Они собирают цветы с берегов.
Сплетают из трав благовонные связки,
Чтоб ими украсить изгибы рогов.

Но нимфы подруги не чувствуют прежней,
И Ио бежит от родимой реки;
Без цели блуждает она, и безбрежной
Пред ней открывается море тоски.

Ее засыпает колючая вьюга
На крайних пределах холодных морей,
Сжигают пески раскаленного юга,
Безжалостно хлещет ненастный Борей.

«Ночь морозная сменила
Солнца яростного зной.
Под луною струи Нила
Отливают белизной.

Где я – жертва Геры грозной –
Где окончу горький путь?
Воздух, ясный и морозный,
Жадно я вбираю в грудь.

Спит песок охолоделый,
Блещет сонная струя.
Я минула все пределы,
Я минула все края.

Погоняема кручиной,
Крайний север я прошла,
Где нависла над пучиной
Прометеева скала.

Я не знаю, ранний гроб ли,
Избавленье ли найду?
Бога скованного вопли
Провещали мне в бреду;

Провещали бесконечный
Горьких бед, блужданий ряд.
Карой злой, бесчеловечной
Боги смертного карят.

Как мгновенно, как немного
Укрываясь от наяд,
В вожделенных ласках бога
Я любви вкусила яд.

И теперь – несчастный повод
Гнева матери богов –
Я бегу, и едкий овод
Мчится вслед моих шагов.

Сжался, Зевс! твоё объятье,
Чрево мне обременя,
В жертву вечного проклятья
Грозно предало меня.

Зверем бешеным блуждая,
Плод священный я несу.

Неужели никогда я
Не верну мою красу?

Для твоих объятий нежных
Возврати лилейность ног!
Дай мне пару грудей снежных,
Золотых кудрей венков.

И на мшистом изумруде,
В мгле зеленого куста,
Я прижму к обильной груди
Сына Зевсова уста.

Зевс! не презри дочь Инаха!
Зевс! супругу пожалей,
Изнемогшую от страха
Средь Египетских полей».

СИРИНГА

Не сыщешь в Аркадии девушек, равных
Невинной Сирирге цветущей красой.
Она между нимф выделялась дубравных
В горах, орошенных студеной росой.

Уже не однажды во мраке дубравном,
Объяты любви от себя отклонив,
Она убегала, гонимая фавном,
Иль богом обильных колосьями нив.

Безмужной остаться дриаде хотелось.
Богине она уподобилась той,
Отчизна которой – божественный Делос:
С Дианой равнялась она чистотой.

Когда же собаки оленя настигнут,
Охотою нимфа себя веселит.
Из рога оленьего лук ее выгнут,
Тогда как Дианин из золота слит, –

А в прочем Сирирга с Дианою схожа:
Строга, непреступна, и бог ни один
Не делит ее вожделенного ложа
В глубокой траве плодоносных долин.

Однажды, венчаный сосновой короной,
Неистовый Пан за дриадой гнался.
Но крепкие ноги, служа обороной,
Ее уносили глубоко в леса.

Раздвинулись чащи, кустарники – реже.
Сгибаются ноги, бессильно скользя
В глубоком и влажном песке побережий;
Широкой рекой преградилась стезя.

И нимфа, пронзенная ужасом острым,
От страстных объятий спасаясь едва,
Ко влажным наядам, возлюбленным сестрам,
Последние, в горе, бросает слова:

«О сестры! мою красоту измените!
На горе прекрасною я родилась.
Волос обрывайте душистые нити,
Гасите огонь соблазняющих глаз!»

Тем временем Пан, разгоревшийся, страстный,
К желанному телу в восторге приник.
Но тело немеет под лаской напрасной,
И в пальцах – холодный, болотный тростник.

И ветер, в тростник проникая из скважин,
Порывисто дунул, и Пан услышал
Как будто бы стон – безнадежен, протяжен –
Как будто бы кто-то любил и вздыхал.

ИФИГЕНИЯ В АВЛИДЕ

Я забыла дом родимый
Для Ахиллова шатра.
В синем небе вижу дымы
Погребального костра.

Вижу медных ратей строи,
Вдоль залива корабли –
К берегам далекой Трои
Обращенные рули.

Но лазурного залива
Не колышется роса,
И в безмолвии, тоскливо,
Спят, белея, паруса.

Оглашается Авлида
Песнью вольною гребца.
Я ищу шатер Атрида,
Кличу милого отца.

Нет, не мне отныне весны,

Ласка теплого луча,
Луг зеленый, цветоносный,
Бег веселого ключа.

Нет, не мне весною ранней
Бегать в поле, рвать цветы.
Ах! и злая жизнь – желанней
Застигийской темноты.

Не меня украсят девы
В вечер свадебного дня,
И венчальные напевы
Прозвучат не для меня.

О невеста! на закланье
Брачный сшит тебе покров.
Вижу красное пыланье,
Слышу треск смолистых дров.

Ставят желтые корзины,
В них кладут, цветы, плоды.
Полны медные кувшины
Очистительной воды.

Я – покорна. Руки вздеты
К выси, ясно голубой.
Слышу волн холодной Леты
Закипающий прибор.

АХИЛЛЕС

1. Ахиллес в шатре

Агаменон! Твой гнев беззаконен.
Знать, напрасно пучину гребли
Ополченья моих мирмидонян,
К Илиону стремя корабли.

Но терпеть не привык я обиду.
Пусть проносятся стрелы, свистя, –
Из шатра я на поле не выйду,
За рабыню отнятую мстя.

На покровках украшенных лежа,
Я лобзанья ищу твоего.
Ахиллесово праздное ложе
Не разделит рабыня его.

Я – один в опустелой палатке.

Где-то битвы неистовый гул.
Парусины широкие складки
Разгулявшийся ветер надул.

Не замедлил зачем на пути я,
К нелюбезным пределам гребя?
О, лугами богатая Фтия,
Для чего я покинул тебя?

Иль не знал я тогда приговор мой,
Сотней палуб волну бремени?
Иль не знал, что корабль крутокормый
Устремляет к могиле меня?

2. Ахиллес перед боем

Олимпиец судьбу мою взвесил
На весах непреложной Судьбы.
Неизменно прекрасен и весел,
Я готов для последней борьбы.

Бездыханное тело Патрокла
Я сложил у шатра моего;
Червленеющей кровью измокла
Возле раны одежда его.

Чу, зовут медноустые трубы,
Надевают доспехи вожди.
Гектор, радость старухи Гекубы,
Жребий взвешен: пощады не жди.

Щит мой в золоте, ярком, узорном,
Он горит лучезарнее звезд;
Он божественным выкован горном,
И над ним поработал Гефест.

Дух мой мстительной яростью жарок,
И готов я главу преклонить
Перед волей безжалостных парок,
Обрезающих тонкую нить.

Конь твой, Гектор, бежит без возницы,
И кровавая вьется стезя.
Я тебя привяжу к колеснице,
Омертвелые ноги пронзя.

И коней по спине пропотелой
Я бичом золоченым стегну,
Трижды, Гектор, влача твое тело,
Твой родной Илион обогну.

Олимпиец судьбу мою взвесил
На весах непреложной Судьбы.
Неизменно прекрасен и весел,
Я готов для последней борьбы.

3. Ахиллес с лирой

Голос лиры сладкозвучный
Злые думы усыпил.
Там, над Идой многоключной,
Облак розовый застыл.

Раб у входа чистит брони,
Мажет воском тетиву;
И распряженные кони
Щиплют сочную траву.

В ризе бронзово-зеленой
Сел он, смотрит на Пергам.
И сбегает плащ червлёный,
Как змея, к его ногам.

Там олива, с ветром споря,
Клонит синюю главу,
И фиалковое море
Блещет в солнце, сквозь листву.

Как багряные хламиды,
Распластались крылья туч.
Чу! запел на склонах Иды
Белоструйный, дремный ключ.

Солнце в тучах фимиама
Выжгло красные рубцы.
Крепкостенного Пергама
Тускло вспыхнули зубцы.

И пред битвою грядущей
Всюду в поде – тишина.
Он один в тенистой куще
С кубком древнего вина.

Благовонно, смольно, густо,
Меда сладостней оно –
Хрисеидой розоустой
Принесенное вино.

И на миг забыв угрозы,
Неизбежные, судьбы,
Ахиллес срывает розы
С желтых кос своей рабы.

На груди ее девичьей
Он почил в тени шатра,
Чтоб назавтра стать добычей
Погребального костра.

4. Ахиллес перед смертью

Всё мне снится дворец златоверхий,
И Пелеева дома родня,
И родной, голубеющий Сперхий,
Где наяды ласкали меня.

Те холмы, где с охотничьим луком
Я бежал, огибая скалу,
Чтоб горячею кровью и туком
Золотую насытить стрелу.

Мне сказала Фетида с кручиной,
Что умру я в чужой стороне.
Ксанф неистовый, бурнопучинный,
Не заменишь ты Сперхия мне.

Мать слезами мне сердце кручинит
С дня, как тризна свершилась в шатрах
И златою амфорою принят
Менетида оплаканный прах.

Говорила мне мать: «хорошо бы
Ныне с девою сопрячься тебе:
Умножавший троянские гробы,
Ты приблизился к смертной судьбе.

Так не медли же: Гектора выдай
Для надгробных честей и костра,
И усни с золотой Хрисеидой
Под уютною тенью шатра».

И спешу твою грудь оплести я;
Но, лишь члены опутает сон,
Всё мне снится родимая Фтия,
Лучезарный ее небосклон.

5. Ахиллес обрученный

Время. Пламенник брачный засвечен,
И его, над толпою воздев,
Где гирляндами портик расцвечен,
Подымает начальница дев.

От тяжелого бремени грузов
Колесница погнулась моя,
Переполнен оружием кузов.
Как щетина, торчат острия.

Время кончить обряд обручальный;
Я уж слышу сквозь ряд колоннад,
Как зовет меня скрипом причальный,
Хорошо осмоленный канат.

Ты, минуя дубовые сени,
Не замедли прощанием в них,
Чтоб скорее взошел к Поликсене
На веселое ложе жених.

В колесницах провозят кувшины,
Да свершим омовенья обряд,
И недавно кровавые шины
Лучезарною медью горят.

Да, трудами не малыми добыт
Златокудрой Елены возврат:
Сколько медные спицы и обод
Обагрелися кровью у врат.

Сколько доблестной крови лилося.
Сколько раз я по трупам летел,
И со стуком взбегали колеса
На тела с изувеченных тел.

Но довольно ломались дышла,
И со свистом крутились бичи.
Ты – моя, из чертога ты вышла,
И глаза рассыпают лучи.

Разукрашен листвою весенней
Русых кос благовонный веноч;
Девы сыплют цветы Поликсене
Для прекрасных, серебряных ног.

Скоро мы на богатствами полным,
Управляемом мной корабле
По веселым фиалковым волнам
Понесемся к родимой земле.

И в уладах желанного брака,
Почивая на ложе из роз,
Мы увидим отчизну Эака,
Где младенцем я бегал и рос.

Помню пастбища сочной травы я,
Как земля плодородно черна,

Как припасов полны кладовые,
И отборных плодов, и зерна.

Помню пиршества шумные наши,
Оживленные пьяной гульбой,
И тяжелые древние чаши,
Обведенные хитрой резьбой.

Как стремлюсь к заповедной земле я,
Где утехи знавая одни,
Согреваемый лаской Пелея,
Я провел мои лучшие дни.

Ты со мной улыбнешься печалям,
Что тебя от родных унесло.
Поспеши, мы не медля отчалим:
Уж гребцы поднимают весло.

Приступай к неизбежным разлукам,
И с судьбою твоей примиришь.
Там, сияя серебряным луком,
Прислонился к колонне Парис.

НЕОПТОЛЕМ

1

Дикий остров, поля, где я вырос,
Покидаю для бранных шатров.
Ты прости, зеленеющий Скирос,
Безмятежный, хранительный кров.

От лугов и от рощей зеленых
Я отозван военной трубой.
Мирно с кровель, от солнца червленых,
Подымается дым голубой.

Исчезает он – берег родимый, –
И, теряясь в багряных лучах,
Тихо шлет мне прощальные дымы
Материнский любезный очаг.

Вкруг меня океан беспредельный,
И синеют валы без числа.
Я на крепкой сосне корабельной
Быстро мчусь под напором весла.

Через три бысролетные ночи,
Если добро к пловцам божество,

Я усну под палаткою отчей,
Я узнаю отца моего.

И усеянным трупами полем,
В жажде подвигов, весел и рьян,
Полетит за отцом Неоптолем,
Разрывая колонны Троян.

2

Брошен якорь. Корабль мой причален
У прославленных бранями мест.
Отчего же, о други, печален
Долго жданный, желанный приезд?

Отчего же никто из собратий
Нас не встретил пожатьем руки?
Отчего так растеряны рати,
Так нестройно-шумливы полки?

Я грядущим свиданьем чаруем.
Пали тени, и звезды зажглись.
Гулко вторит Скамандровым струям,
В потемневших горах, Симоис.

На отрогах, ключами богатых,
Вьется дым от чьего-то костра,
И мертвец в окровавленных латах
Распростерт посредине шатра.

Чтоб владеть драгоценным доспехом,
Сын Лаэрта коварно хитрит,
И над мертвым глумится со смехом
Предводитель Ахеян, Атрид.

Подойдя, спросил я несмело,
Подбородка коснувшись его:
«Чье к костру приготовлено тело?» –
«Ахиллеса, отца твоего».

3

Где пучина Эгейская стонет,
Меч воткнут Саламинским царем;
Здесь на острую медь Теламонид
Пред Палладиным пал алтарем.

Здесь он с черною смертью сопрягся,
Грудь пронзивши концом острия,
И рыдает над телом Аякса

Саламинских матросов семья.

Я, печалию свежей оваян,
Над недавним стою мертвецом.
Был он более прочих Ахеян
Почитаем, при жизни, отцом.

Я на Скирос родимый какую
Принесу Деидамии весть?
Мать, тебе, неутешно тоскуя,
Суждено овдовелой доцвесть.

Ах! отцу при свидании первом
Я последнее молвил «прости».
Но, Атриды, от яростных Кер вам
И самим никуда не уйти.

Ветер лодки далекие гонит
И поет у зеленых могил,
Где могучий уснул Теламонид,
Где уснул быстроногий Ахилл.

ДИДОНА И ЭНЕЙ

По камням звенят копыта,
Слышно ржание коней.
На горах отстала свита...
Как стрела, летит Эней.

Дали неба – мутно-сини;
Ветр шумит, в траве шурша,
И с царицей сын богини
От грозы бежит, спеша.

На груди застежкой сплочен,
Плащ ее окутал стан.
Наконечник стрел отточен.
За плечами, раззолочен,
Звонко брякает колчан.

Конь храпит; густая пена
Покрывает удила.
Пред царицей Карфагена
Расступается скала.

Вместо храма – свод пещеры.
Мать Земля условный знак
Подает, и волей Геры
Заклучен несчастный брак.

Всё забыто: обещан
Женский стыд, и презрен долг.
В недрах скал и горных трещин
Гром пронесся и умолк.

Потемнели, сшиблись тучи,
О деревья бьет вода.
Дико воя, сбились в кучи
Оробелые стада.

Пыль клубится; воздух блещет;
Скрылся в туче горный скат.
О камня ливень хлещет,
И стучит тяжелый град.

У пещеры дрогнут стражи;
Где-то ржет в испуге конь.
Проблестел на горном кряже
Синей молнии огонь.

Замутившись, с высей прынул,
Заплескался водопад.
Брачный гимн в пещерах грянул
Хор веселых орадов.

ЭНЕЙ – ТОВАРИЦАМ

Что вы примолкли? Смелее! Не с нами ль
Наши пенаты, чья милость не скудна?
Ими хранимое, сядет ли на мель
Легкое судно?

Наши надежды и силы не те же ль?
Полно оплакивать гибель Креузы:
Смертная доля желаннее, нежели
Рабские узы.

Сердце спокойно; надежда окрепла.
Паркам бросаю отчаянный вызов:
Скипетр поднимет из крови и пепла
Правнук Анхизов.

Тот не мужчина, кто слезы не вытер:
Женщинам свойственно тешиться грустью!
Мчит наш корабль благосклонный Юпитер
К верному устью.

Верьте, товарищи: небо не пусто.

Нам, победителям черного Рока,
Матери светит моей розоустой
Ясное око.

ПЕСНИ

Не весна тоща
Жизнью веяла.
Не трава в полях
Зеленелася!
Кольцов

Я в немецком саду работал по весне.
Вот однажды сгребая сучки, да пою.
Некрасов

РАЗЛУКА

Шел я рощицей,
Шел зеленою,
Шел с зазнобушкой,
Шел с Аленою.

Полушалочек
Дарил аленький
И фиалочек
Букет маленький.

Полушалочком
Утешалася,
А фиалочкам
Посмеялася.

Красну солнышку
Красотой равна
Свет Аленушка,
Свет Егоровна.

Словно вешний лист –
Зелены глаза,
Словно колос ржи –
Золота коса.

У нее ль лицо –
Да не маков цвет?
У нее ли взор –

Да не ясный свет?

Что же сердце ест
Мне печаль – тоска?
Горек мне приезд
Твоего дружка.

Ах, его лицо,
Лицо дерзкое,
И походочка
Офицерская.

Жгут глаза его,
Жгут проворные,
И щетинятся
Усы черные.

Сабля новая
Вся отточена.
Рукояточка
Раззолочена.

И Аленушка
Слезы вытерла.
«Вот он барин мой,
Гость из Питера.

Ты прости-прощай,
Господин студент.
Не дари платков
И пунцовых лент.

На далекую
На сторонушку
От тебя возьмет
Он Аленушку.

Не приду к тебе
За овины я
Слушать песенки
Соловьиные.

Нам не вить с тобой
Запашистые
Из купальницы
Венки желтые.

Не садиться нам
Под зеленый дуб.
Не видать тебе
Моих алых губ.

Тебе на плечи
Мне не вешаться.
Поцелуями
Нам не тешиться.

Ни в ночи тебе,
Ни при солнышке
Не уснуть в руках
У Аленушки.

Чтоб мне дурь мою
Не оплакивать,
Стала чаще я
Подумакивать.

Не хочу идти
За студента я,
А хочу идти
За военного.

ДВОЕЖЕНЕЦ

1

Расскажу-ка я
Вам теперича
Про Василия,
Про Матвеича.

Он в сторожке жил
Перед церковью.
Сторожил леса,
Леса барские.

А как в праздничек
Напивался пьян,
На соседних страх
Наводил крестьян.

И ругался он
Словом черным.
Поколачивал
Рукой крепкою.

Темным взором он –
Словно лютый зверь.
Борода его –
Словно черный куст.

А жена его –
Баба злющая,
Аграфеною
Звать Ивановной.

Как расходится
Злой минутою,
Ну ни дать, ни взять –
Ведьма лютая.

Гневом-яростью
Вся трепещется
На соседнюю
На помещицу.

Но от кары не
Упаслась, грозя.
Знает барыня
Самого князя.

Донесла ему
Речи дерзкие
И Василия,
И жены его.

Не щадит злодей
Сваво ворога:
Кто задел его,
Платит дорого.

Как ко всенощной
Шел крещеный люд,
Сторож замысел
Выполняет лют.

Перед праздничком,
Да престольным,
Мечь жестокая
Совершится им.

Он от зорких глаз
Огородится
Накануне дня
Богородицы.

Пробирается
Мимо церкви он.
Заворачиват
За опавший клен.

Он не видит свеч
Воску ярого.

Он не слушает
Пенья клирного.

Под ногой его
Желтый лист шуршит.
Ель шумливая
Высоко шумит.

Ветвь колючая
Заграждает путь
И цепляется
За рукав его.

Чиркнет фосфором
Сторож на авось.
Ан! взамен хором –
Только пепла горсть.

Только б дождичек
Не залил огня,
Ветерком его
Не задуло бы!

Под дубовый пол
Ткнул газетину,
Намочив ее
Керосином всю.

И сухих туда
Набросал лучин.
Запалил балкон:
Вот и был почин!

По всему потом
Дому барскому
Петуха пустил,
Пустил красного.

«Со мной вздумала
Потягаться вишь!»
В небо рвется дым
Из тесовых крыш.

Во хоромах и
Во саду огонь,
И черемухи
Спалены огнем.

Эх! черемушки!
По весне уж им
Не раскрыть листов,
Не цвествь белым.

По усадьбе всей –
Трескотня и скрип.
Вьется полымя
Выше старых лип.

Мужики бегут.
Но и скоро же
Всякий след простыл
Васьки сторожа!

Занесли снега,
Снеги белые,
Стены с трубами
Обгорелые.

Дерева кругом
Да попилены.
Как дите, в саду
Плачут филины.

Горько – жалобно
Ночью стонет сыч.
Так Василий мстил,
Мстил Матвеевич.

2

Бог прогневался
На разбойника,
И послал ему
Кару грозную.

На Ивана то
Было Постного,
В день дождливенький,
Да ненастливый.

Аграфенин взор –
Темен, нездоров.
Вот пошла она
Подойти коров.

Вдруг замедлила,
Проходя двором.
О пол стукнула
Жестяным ведром.

По ступеням вниз
Покатилась,
Опрокинулась,

Раскорячилась.

Прибегает муж –
Жена отошла.
По лицу пятном
Синева пошла.

Тихо в домике,
И окошечко
Занавескою
Позадернуто.

Под окошком клен
Ветром треплется.
Свечка желтая
В окне теплится.

Серой ставнею
Ветер – хлоп да хлоп.
На столе стоит
Нов дубовый гроб.

Разнаряжена
Чисто заново,
Аграфена в нем
Дочь Иванова.

Запеленута
Бельим холстом.
Руки сложены
На груди крестом.

А Василий муж
Слезно плачется.
От жены своей
Во двор прячется.

Ночь не может спать:
Вскочет, крестится,
Жена мертвая
Всё мерещится.

В ночь дождливую
Говорят под свист
Ель шумливая
И засохший лист.

И стучат в стекло
Ветки черные,
Словно страшные
Пальцы мертвые.

А на третий день
Поп приходит сам
Литию служить
Перед выносом.

В церкви ставят гроб,
Да с подсвечником,
Обвивают лоб
Красным венчиком.

И один живет
Сирота-вдовец.
Стал во сне к нему
Приходить мертвец.

Жутко осенью
Разунылою:
В окно виден крест
Над могилою.

И над тем крестом,
Над кленовым,
Ветр шумит листом,
Листом желтым.

Муж не выдержал
И шести недель:
Одинокая
Не мила постель.

Он без сна на ней
Ночь валяется:
Всё усопшая
Представляется

Хоть порядок тот
И не заведен,
Оженился он
Через двадцать дён.

Взял жену себе
Белолицую,
Белолицую,
Да румяную.

Очи синие
Огоньком кипят.
А коса ее –
Как до самых пят.

Шея белая
Серебром блестит,

Грудь высокая
Что копна стоит.

Идет с ведрами,
Усмехается,
Как лебедушка,
Колыхается.

Отчего ж ее
Пышен цвет девич
Иссушил злодей
Вор Матвеевич?

У нее богатств –
Одна яблоня.
Много денежек
Им награблено.

3

Складно муж живет
Со лебедкою,
Синеглазою,
Тихой, кроткою.

Сам добрее стал,
Не ругается,
Молодой женой
Похваляется.

Из знакомых ли
Повстречал кого,
«Какова моя?»
Сперва-наперво.

И соседушки
Утешаются:
Не узнать теперь
Злого сторожа.

Только начали
Сны тяжелые
По ночам томить
Молоду жену.

Как бы Пашеньке
Не раскаяться:
Баба мертвая
К ней таскается.

Не дает ей спать,

Страхом мучая.
Лицо – синее,
Вся – вонючая.

Не уйдет всю ночь,
Лезет день иной,
И с постели прочь
Гонит мужниной.

От Василья прочь
Оробелого.
Кровь сосет она
Тела белого.

У Прасковьюшки
Щеки выцвели.
Очи синие
Потеряли блеск.

Ах! погубит так
Все здоровьюшко
Свет Егоровна,
Свет Прасковьюшка.

Как от сна спастись,
От тяжелого,
Думы русую
Томят голову.

В поле тает снег,
Поет пташенька.
Говорит себе
Тогда Пашенька:

«Чтоб покойницу
Не видать во сне,
Я в зеленый луг
Выйду по весне.

Помогите мне
В моем горе вы,
Цветик аленький
И лазоревый.

У моих белых
Вы цветете ног.
Я сплету из вас
Небольшой венок.

Цветы синие
Спутав с альцами,
Вместе белыми

Свяжу пальцами.

Пусть тоска меня
Не сушит, не ест.
Я венки кладу
На кленовый крест.

Лишь засохнет он,
Принесу другой.
За дары Господь
Мне пошлет покой».

МОНАШКА

Что, Аленушка,
Перед праздничком
Платья новые
Ты не шьешь себе?

Что не рядишься
В шелк пурпуровый?
В головной платок,
Гарнитуровый?

Знать, обнов тебе
Не подарено
От проезжего,
От татарина.

Чтоб без толку вам,
Веселиться вам,
В платье шелковом,
А не ситцевом.

Чтоб с качельными
Летать досками
Под зелеными,
Под березками?

Чтобы алыми
Греметь бусами?
Чтобы косами
Трясти русыми?

Как, Егоровна,
В платье старом ты
На веселое
Выйдешь игрище?

Застыдят тебя
Парни бойкие,
Засмеют тебя
Девки красные.

Далеко от всех
Быть Аленушке:
На крыльце сидеть,
Грызть подсолнушки.

«Чтоб обновы шить
Да рядиться, нет
В кошельке моем
Дорогих монет.

Беден родный дом
Моей матушки,
На холму крутом
Он стоит в лугах.

Над рекой стоит,
Речкой быстрою,
Как над синею,
Да над Истрою.

Там трава растет,
Да шелковая,
Там село стоит,
Да торговое.

Оно славится
Широко вокруг
За капусту да
За зеленый лук.

И немного верст
От того села
Монастырь стоит
Во глухом лесу.

Цветники в саду
Я полола там,
Церквей маковки
Пышут золотом.

Словно жар горят,
Разливаются
Над еловыми,
Над вершинами.

Далеко гудит
Пенье медное.

Я приду в тот скит,
Девка бедная.

Ты прости навек,
Перстенечек злат.
Мою белу грудь
Скроет черный плат.

От людей мою
Схороню красу,
Во святом скиту,
Во глухом лесу».

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Во полях шумят
Ветры буйные,
Ветры буйные,
Да весенние.

Как в медяную
Затрубят трубу,
Гонят облаки
По синю-небу.

Выйду в поле я,
Во широкое,
Горе выплакать,
Разогнать тоску.

В уши мне поет
Ветер удалой
И платочек рвет
С головы долой.

Говорит со мной
Буйным голосом,
Шевелит моим
Русым волосом.

Как по мертвому,
Подымает вой;
Иду в шубке я,
Шубке плисовой.

Вся от холода
Посинела я.
Холодит мне снег
Ноги белые.

Разлились снега,
Словно озеро.
Высоко звенит
В небе жавронок.

Ты, сестра, меня
Не отчитывай,
Знаю в поле я
Куст ракитовый.

Там, от всех деревьев
Удаленная,
На холму стоит
Ель зеленая.

Мое тело дам,
Злые звери, вам –
Растерзать в куски
Под тем деревом.

Пусть пред Господом
Грех я сделаю!
Повяжу платком
Шею белую.

Затяну узлом,
А конец платка
Обмотаю вокруг
Зелена сучка.

Пусть качает ветер
Ель зеленую!
Пусть поет он песнь
Похоронную.

Мне не нужен поп,
Ни к чему дьячок!
За тесовый гроб
Мне сойдет сучок.

Как под тем кустом,
Да на том холму,
Я изменщику –
Отдалась ему.

Ах! зачем тот день
Не забуду я.
С коромыслом шла
Мимо пруда я.

Ты, ведро мое,

Не поскрипывай!
Кто-то ждет меня
В роще липовой.

И дарил он мне
Шаль нарядную.
Звал Аленушкой
Ненаглядною.

Коромысло я
Прочь с плеча маво,
И повисла я
На груди его.

Села рядом с ним
На сырой мосток.
Как осиновый
Трепещу листок.

Затуманилась
Голова моя.
Только ласково
Слышу слово я:

«Не томи меня,
Не испытывай.
Знаешь в поле ты
Куст ракиновый?»

Ко холму тому
Поздней ноченькой
Проберемся мы
Огородами.

Ночь июльская
Хороша, темна.
Мимо вашего
Мы пройдем гумна.

Мы по яблочным
Побежим садам.
Я подарочек
Моей милой дам.

Перстенечек злат
С синим яхонтом.
Серьги новые,
Изумрудные».

А из слов его
Какой вышел толк!
Не простившись,

Он уехал в полк.

Я промаялась
Зиму целую.
Перепорчу всё,
Что ни делаю.

Ест мои глаза,
Ест зеленые
Слеза жгучая,
Да соленая.

Жизнь проклятая
Стала невтерпеж,
Словно сжатая
Я упала рожь.

Я не слышу птиц,
Я не вижу верб.
Сердце колет мне
Любовь – вострый серп.

Потеряла я
Стыд мой девичий.
Погублю навек
Мою душеньку.

Я – несчастная –
Жду дитя в апрель.
Ты спаси меня
От позора, ель!

Сладко будет мне
Меж ветвей дремать.
Успокой же, ель,
И дитя и мать!

ВЕСНЯНКИ

Mater, ades, florum, ludis celebranda iocosis.

Ovidius

C'est toi, ma blonde!

A. Musset

Мать цветов, появись, тебя славим мы в играх веселых!

Овидий

Это ты, моя блондиночка!

A. Мюссе

PRIMAVERA

Улыбнулась, и проснулась,
Полня звуками леса.
За плечами развернулась
Бледно-желтая коса.

Взор, как небо – беспределен,
Глубина его пуста,
Переливчат, влажен, зелен...
Мягко-чувственны уста.

Где с фиалками шептались
Незабудки, и цвела
Маргаритка, там сплетались
Дымно-тонкие тела.

Где-то плакали свирели,
Доносился плеск воды.
В темной зелени горели
Золотистые плоды.

На полянах говор звонкий
Раздавался. В дыме сна,
Чуть скользя ногою тонкой,
По траве плыла весна.

Перевитый нитью злачной
И гирляндю цветов,
Тело скрыл полупрозрачный,
Серебрящийся покров.

Те лежали, те сидели,
Отдыхая от игры,
Где гранат тяжелых рдели
В листьях красные шары.

Юной, ласковой богиней
Оживляются леса.
Яркой краской, густо-синей,
В далях блещут небеса.

ПАСТОРАЛЬ

Как весенний цвет листвы,
Так и Вы

Нежным веете апрелем
В дни, когда в тени ветвей
Соловей
Предается сладким трелям.

В дни, когда исподтишка
Пастушка
Ждет пастушка в поле злачном,
И в ручье опять жива
Синева,
Тихоструйном и прозрачном.

Испещрен цветами куст.
Сотни уст
Раскрываются на солнце.
Росы зелень серебрят,
И горят
Одуванчиков червонцы.

Гуще лиственный навес.
От древес
Ароматным веет медом.
Грузный шмель к цветку прилип.
Ветви лип
Вознеслись зеленым сводом.

На заре, у сонных вод,
Хоровод,
Под напевы песни древней,
Я люблю, когда закат
Стекла хат
Зажигает вдоль деревни.

Песня – сладостно грустна,
Как весна
Наших северных губерний,
В час, когда задремлет клен,
И червлен
Запад, дымный и вечерний.

Вы придете ввечеру
На игру,
С полной злаками кошницей.
Будет ласковым Ваш взор,
Сквозь узор
Озолоченной ресницы.

Кудри – россыпь златных руд.
Изумруд
Взоров, ласково коварный,
И смеется, и манит
(Как магнит),

Всепобедный, лучезарный.

Многим сердце воспалят
Этот взгляд,
Соблазнительный, безбровый,
Шея, белая как снег,
Этот смех
Нимфы северной дубровы.

Полны эти глаза два
Волшебства –
Золотые изумруды,
Золотые лезвия.
Ранен я
Нимфой юной, полногрудой,

Руку я прелестной сжал:
Злее жал
Пальцы ручки благовонной.
Кудри – буйный водомет.
Точит мед
Страстных губ цветок червонный.

Ах! я гасну каждый день.
Только тень
Ляжет в поле и прохладу
Урна ночи разольет,
Лес поет,
Славя Леля, славя Ладу.

Есть в холмах тенистый грот,
Где Эрот
Точит золотые стрелы.
Там она, упав на одр,
Юных бедр
Нежит сад, цветущий, белый.

Ах! цветами мы его
Отчего
Не украсим, не устелем
Этот одр, чтобы на нем
Жарким днем
Почивать, сопрягшись Лелем?

НИМФА ВЕСНЫ

Des grottes d'Amphitrite,
Climène, entends ma voix:
Le mois des fleurs t'invite
A rentrer dans nos bois.

Из гротов Амфитриты,
Климена, услышь мой голос!
Месяц цветов зовет тебя
Вернуться в наши леса!
Грессе

В днях последних сентября,
Удобря
Землю взрыгую навозом,
Семи я держал в горсти,
Чтоб цвести
Белым лилиям и розам.

Чтоб водить моих друзей
В Элизей,
В глубь земли черноутробной,
Клал я в зимнюю постель
Асфодель,
Цвет подземный, цвет загробный.

Гряды взрезал острый плуг.
Вспахан луг,
Ждет обильного посева,
И, раскрывши ложесна,
Семена
Емлет матернее чрево.

Спите зиму в мертвом сне!
По весне
Из земли побег выньте,
Чтоб осенний скудный тлен
Был явлен
В благовонном гиацинте.

Гиацинтовый цветок,
Лепесток
Развернувши, близ тюльпана
Стройным стеблем поднялся,
И леса
Вторят страстным кликам Пана.

Всходит травный изумруд.
Синий пруд
Льется золотом плавленным.
Нимфы резвятся в кругу,
На лугу,
Орошенном и зеленом.

Под одеждою сквозной,

Белизной
Блещут бедра, блещут груди.
Вкруг волос цветет венок.
Пальцы ног
Тонут в злачном изумруде.

Волоса – янтарный ток.
Как цветок,
Губы – влажны и червлены.
Взор исполнен волшебства,
Как листва,
Желтоватый и зеленый.

Всё, что было снега, льда,
Без следа
Всё лучи вобрали, съели.
Шепчут в бездне голубой
Меж собой
Торжествующие ели.

Как богиня сходишь ты
С высоты
Олимпийского престола.
Кудри желтые твои,
Как ручьи
Златоструйного Пактола.

Истоцила красота
Все цвета
На божественной палитре,
Тело юное творя.
Как заря,
Ты горишь в лучистой митре.

Нимфа! нимфа! ты – белей
И лилей,
И нетронутого снега.
В изумруде узких глаз
Как зажглась
Подступающая нега.

Роз потребно много сот,
Чтобы сот
Уст твоих создать медвяных,
Уст, которые лобзать
Ищет рать
Дерзких фавнов, страстных, пьяных.

Кто же выпьет сладкий мед,
Кто сожмет
Эту грудь? О, кто же, кроме
Вас: палящий небосклон

Аполлон
И венчанный гроздом Бромий?

Ты услышишь страстный вой
«Вакх Эвой!»
И жемчужные колени
Закружатся под напев
Буйных дев,
Крытых шкурою оленьей.

ПУШКИНИАНА

Мне ветер волосы шевелит.
Поля сребрятся в талом льде,
И звонко жаворонок трелит,
Не знаю что, не знаю где.
Как ярко зеленеют ели!
Прозрачны светлые леса,
И лучезарно небеса,
Вздыхнув весной, заголубели.
И, как небесная свирель,
Лазурна жаворонка трель.

Пари свободно, своенравно,
Звени крылом и трели сыпь!
Где мертвый снег белел недавно,
Бежит синеющая зыбь.
И даль раскрылась и блеснула,
В простор безбрежный уходя.
Пути внезапно преградя,
Весь полон блеска, полон гула,
В тиши сияющих ночей,
Прорыв снега, шумит ручей.

Уже дорог не станет скоро:
Пробивши льдистую кору,
Разлились лужи, как озера,
И зеленеют ввечеру.
Поверхность пруда раскололась,
Смеется луч, ее согрев.
Гудит вершинами дерев
Сырого ветра шумный голос.
Над обнажившимся бугром
Береза блещет серебром.

Купая ветви в синем море,
Березы шепчут меж собой,
И нежно-розовые зори
Повиты дымкой голубой.

Растает дымная завеса,
Прозрачен ясный небосклон.
Задумчиво вечерний звон
Из-за притихнувшего леса
Летит. Поля покрылись мглой,
И мерзнет лужи верхний слой.

О, как я ожиданьем мучим,
О, как я жду минуты той,
Когда пройдешь с ведром певучим
Ты, мимо сада, за водой!

НАДГРОБИЕ

С. С. Щ.

Тихо спал ты зиму в глухой гробнице
Синих льдин, покровом завернут снежным.
С лаской принял юношу гроб хрустальный
В мертвое лоно.

Ты молвы стоустой не слышал гула,
Не изведал яда клевет подпольных.
Строгий сон твой разве могли встревожить
Хульные речи?

Не оплакан матерью нежной, долго,
Скован льдами, ждал ты пелен могильных.
Над тобою гимн похоронный пела
Зимняя вьюга.

Но, с дыханьем первых ветров весенних,
Пооттаял белый твой гроб плавучий.
Солнце плен расплавало льдин тяжелых,
Всплывших со звоном.

Нимфа влаги труп твой нашла забвенный,
Прочитала повесть любви печальной,
И с улыбкой лик целовала бледный
В мертвые губы.

И, на берег вынесши прах печальный,
Созывала диких, веселых фавнов
И дриад дубравных, в венках купальниц
Зеленоствольных.

И склонялись девушек белых хоры,
С уст свежая вешние тихо розы.
Кто – шептали – в смерти виновна ранней,

Юноша милый?

ВЕСНЯНКА

В полях растаял звонко вспененный снег,
Возникла зелень первых весенних трав;
И Пан зовет в тростник свирельный,
Нимфу дубравную страстно клича.

Взошла фиалка, словно синя слеза
Дриады белой пала на темный мох.
О друг, ты слышишь в дуплах ствольных
Стоны любовные дремной девы?

В древесных чащах – песни веселых нимф,
Шум хороводов, пляски, призывный смех,
Когда наступит синий вечер,
Облаком розовым небо кроя.

Как буйны ласки диких лесных подруг!
В глазах прозрачных зыблется зелен лист,
В земле и злаках, белы ноги –
Корни подземные нежной розы.

Устав от пляски, дремлет в сырой траве,
И кудри девы блещут, что колос злат,
И грудь ее – цветок медвяный,
В зелени влажной расцветший сладко.

ЛЮБОВЬ

Облака золотистые.
Ивы пушистые.
Вечер святой Воскресения.
Над белой березкою
Лодкою розовой, плоскою
Проплывает тучка весенняя.

Вечер синий и розовый.
Как нежны в роще березовой
Расцветы трав воздыхальные!
Свершаются таинства древние.
Слышу из ближней деревни я
Девушек песни пасхальные.

Как возникшие травы зеленые,

Пред тобой мои песни влюбленные,
Как травы вешние, скудные.
Шепчу я ласки несмелые,
Твои руки целую я белые,
Гляжу в глаза изумрудные.

На заре береза колыхается.
Я не знаю, что это слышится:
Смех ли резвый, песня святая ли?
Дорогая, не знаю я, живы мы,
Иль, как туча за дымными ивами,
В поцелуях тихо растаяли.

ЗОЛОТОВОЛОСАЯ ДЕВА

На рассвете, зарослью скрыт листвяной,
Я, любовник, видел ее, счастливый.
Блещут златом волосы – плод медвяный
Желтой оливы.

Как смеялся девушки зрак зеленый!
Мне казалась нимфой она дубравной.
Белы ноги – серебра ток плавленный
В зелени травной.

Лоб – белее вечных снегов Тимфреста.
Волос каждый сладким дышал елеем.
В блеске выи розы давали место
Белым лилеям.

ИЮЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Изгородь
Розовеет на малой горе.
Хрустальная твердь бестелесней.
Как молитвы тихой заре –
Девушек дальние песни.

Заря в вечернем храме
Зажгла золотую свечу,
Затешила красный елей
В хрустальных лампадах. Чу!
Девушки с голубыми серпами
Прошли домой с полей.

Как одиноко

Под покровом туманных пелен!
Лучом заревого ока,
Потускшим под облачной бровью,
Запад, как мутной, сгустившейся кровью,
Очервлен.

ДРЕВНЕЙ РОЩЕ

Глухая роща! темный древесный храм,
Где фимиамом зерна янтарных смол,
В твоём благоуханном мраке
Свечи зеленые трав весенних.

Воздвиглись ели в ризе нетленных игл,
Твою святую оберегая глушь.
Лаская луг прохладной тенью,
Древние липы простерли зелень.

И синий ладан – первых фиалок сев –
Твое кадило, в час, как смеркает день,
И солнце золотые розы
Тихо роняет над глыбой талой.

Нерукотворный, одушевленный храм!
Ты возлелеял легкое семя трав,
Ты схоронил в себе зачатья
Малых цветов и деревьев дебелих.

Века внимал ты жизни глухую дрожь,
Ты в черном лоне ярость цветов тайл,
И, чуя трепет вожделений,
Семя питал животворной влагой.

Ты кроешь тайны первых любовных ласк,
Лелеешь в мраке знойных лобзаний сласть;
Ты ложе для четы влюбленной
Травами стелешь, цветами, мохом.

И, внемля трепет буйных, творящих сил,
Вонзая корни в тучную грудь земли,
Ты зыблешь гордые вершины
В вечно нетленном эфире неба.

ХЛОЕ

*Dulce ridentem.
Catullus**

Что мед твой, Гибла? сладкий твой сот, Гимет?
Когда сравню вас, – сласти лесных цветов,
Добытые пчелиным жалом, –
С желтой косою румяной Хлои?

О, малый травень! скудный в цветах апрель!
Листвой златистой ты одеваешь дуб.
Как первый лист дубравы вешней,
Очи твои золотые, Хлоя!

Как шумы листьев, Пана тростник – свирель,
Дриады шепот в лыке святых дубов,
Как говор струй хрустально-синих,
Смех твой сладчайший, твой голос, Хлоя!

О, лес Киприды – чащи медвяных роз –
О, Адониса благоуханный сад!
Ваш рдяный блеск и ароматы,
Что пред ланитами нежной Хлои?

*Смех рокочущий (лат.)
Катулл

ДРУГУ

Н. П. Киселеву

Пчеле подобен, ты с сикилийских трав
Сбираешь меды – сладкотекучий сок.
Ты в золотые ульи Гиблы
Сносишь цветов полевые дани.

Ты жалом острым тайную сладость пьешь
Из свитков древних, в мед претворяя тлен,
И для тебя пергамент блеклый –
Луг ароматный цветов словесных.

Тебе священна старца седая скорбь:
Ты вял, пронзивши темных столетий глубь,
Последний вздох слепца Эдипа,
К персям припавшего Антигоны.

Тебя целила дев трахинийских песнь –
Надежды кроткой шепот пред тучей зол.
Ты видел Теламониада
Меч златожальный в крови багряной.

Но как исчислить ценных богатство руд,
Всё то, что емлет знаний твоих рудник,
Искатель кладов непочатых,
Роз Пиэрийских блюстителъ верный?

Фригийский лотос – сопровождаенье пляск, –
Золотострунный звон Ионийских лир,
Уста улыбчивые Музы
Хором согласным тебя восхвалят.

ЖЕНЩИНЕ

Уже четвертый старому мужу плод
Во чреве носишь ты, – золотая мать.
Тяжелым шагом в огороде –
Точно телица на сносе – бродишь.

На солнце блещет связка медовых кос,
Как зерен полный, желтый осенний сноп.
Как вымя – тяжесть тучных грудей,
Сладкое яство устам младенца.

Лицо оплыло; тихо-бесмыслен взор;
Распухли жилы; грузно поник язык;
Блестят под вздернутой одеждой
Ноги, серебряным лоснясь туком.

Кем тяжела ты? девочек трех подряд
Дарило мужу ложе твое досель:
Проси наследника для дома,
Дар возложив на алтарь богини.

Моли усердно чистую дочь Лато,
Что напрягает осеребренный лук:
Моли, чтоб жало притупила
Ярость Илифии в муках чрева.

НЕБУ

Ты лучезарно, выйдя из горна гроз;
Громовых кузниц ты золотой металл.
Разносит ветер прохладновейный
Луга дыханье и ароматы.

Я жрец твой, небо! Твой золотой потир,

Твое причастье я подношу к устам,
И землю ухом ненасытным
Шелесты трав и ключей рожденье.

Твоих нетленных жил голубую кровь,
Твоих точил палящее пью вино,
И солнца златотканной плоти
Я приобщаюсь прохладным утром.

О небо! чаша! древний завет любви!
Нерукотворный, синий, лучистый храм,
Где неистомно хвалят Бога
Звери, деревья, цветы и люди.

Ты – золотая струй голубых купель,
Ты – золотой, отсюда замкнутый гроб.
Ты нежишь малого младенца,
Ты принимаешь и вздох предсмертный.

Ты – блеск и радость! жертвенник твой – земля
Тебе сжигает ладан цветов и трав.
Тебе несут сердца людские
Кровь вожелений и огонь Любви.

Печатается по: Соловьев С. М. Собрание стихотворений. – М.: Водолей Publishers, 2007.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>